

М.Монтессори

Публикации

- О принципах моей школы.
- Педагогический метод
- Через ребенка – к новому миру.
- В основе жизни. (Впитывающий ум)
- Любовь учителей

О принципах моей школы.

М. Монтессори.

Когда ребенок читает слова на табличках, лежащих подле соответствующих предметов, - мы это называем интуитивным чтением. Заметим, что он их может прочесть, даже не зная шрифта, не зная букв. Магическая сила? Результат предварительной работы с подвижным алфавитом? Нет. Интуитивное чтение происходит благодаря интересу, выросшему в ребенке, стремящемся проникнуть в тайну знака. Этот интерес по своему значению равен материалу. Если бы на две чаши весов положили алфавит и интерес к нему, они оказались бы на одном уровне. Учитель должен вдохнуть в ребенка этот интерес и знать, как в дальнейшем его развивать, понимая, что сила интереса у ребенка – природная и в каждом случае индивидуальна. Как же узнать, - спросите вы, - каков интерес ребенка и какой материал годится именно для него? Когда придет время начать с ним что-то новое?

Многие думают, что ответ на эти вопросы должен исходить от учителя. Но это безвыходный тупик! Как можно одновременно управляться с таким количеством детей?! Сейчас психологи утверждают, что у одного учителя не должно быть больше 6-7 учеников, чтобы внимание можно было уделить каждому. Такое направление в образовании называют «индивидуальным методом». У меня другой взгляд на эту проблему, поскольку фундаментальным нашим принципом не является образование ребенка как таковое. Индивидуальность обучения заключается в создаваемой нами подготовительной среде, где дидактический материал выбирает не учитель, а сам ребенок. Индивидуальное обучение основано на свободе выбора ребенка.

Запомните хорошенько эту силу свободного выбора. Впервые на нее обратил внимание Декроли – всемирно известный бельгийский врач и реформатор образования. Он считал, что интерес у ребенка может вырасти только на основе свободного выбора. Его метод основан на «центрах интереса». Мой метод часто сопоставляли с его.

Видите ли, Декроли наряду с центрами интереса говорил и о том, что именно учитель ищет общий интерес не только для всего класса, но и на весь учебный период. То есть мы видим старый подход инструктирования учеников. По сути, учитель сам выбирает центры интереса и на них строит свои указания ученикам. Мой метод отличается и от индивидуального обучения и от метода Декроли, хотя ключевые слова одни: **ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ** и **ИНТЕРЕС**.

Есть еще один метод, появившийся после моего в Англии. Его автор, мой бывший ученик, назвал его методом «Индивидуальной работы». Здесь так же есть материал и свободный выбор. Но детям предоставляется право пользоваться любым материалом, они могут приносить его из дома. Главное, чтобы ребенок был занят материалом – не важно, каким. В такой школе можно увидеть пол, усеянный всевозможными материалами. Занято почти все время ребенка. Однако отсутствует всякая связь между различными видами деятельности и при этом ребенок не получает культурного развития. Ребенок переходит от вещи к вещи без всякой связи с обучением.

В нашем методе культура доходит через материал до детей самого младшего возраста. Культура эта выражена в систематической индивидуальной работе, имеющей в своей основе индивидуальный интерес.

Всем известен так же метод Фребеля – самый совершенный среди коллективных методов, когда учителем направляется коллективная работа всего класса. В методе Фребеля так же используется материал, однако его показывает всему классу учитель на своем столе, тогда как за партой у каждого такой же. При этом количество одинаковых образцов должно равняться количеству детей в классе. Учитель показывает сам материал и как им пользоваться, каждый ребенок копирует действия учителя. Материал подобран по качеству, форме, размеру и цвету, и, конечно, вызывает интерес. При обучении по

Фребелю дети проходят ручной труд, пение, заучивают простые стишки. Многие из дидактических материалов Фребеля я использовала в своей первоначальной работе. Сегодняшний же материал нашей школы основан на множестве выборов, которые дети совершают сами по себе из большого количества вещей, находящихся в их распоряжении. Такой отбор привел меня к мысли, что существует совершенно определенное число материалов, достаточных для культурного развития ребенка. Фундаментальным при подготовке материала является требование иметь в классе только один образец данного типа. Во многих школах учителя, вернувшись с наших курсов, хотят иметь два полных комплекта материала, а некоторых его частей – даже по 3-4. Но становится очевидным, что дисциплина тем самым ослабляется. Если же сократить количество образцов, дисциплина вернется.

Все в нашей школе основывается на показанном детьми. Мы шли за ребенком, и он подсказывал нам, как организовать и построить школу и сколько детей должно быть в одной группе. Мы полагаем, что лучше всего, если их будет 30-40 или даже больше. Это зависит от возможностей учителя. Когда детей меньше 25, показатели снижаются, а в классе из 8 детей положительных результатов вообще трудно достичь.

В большинстве школ в одном классе учатся дети одного возраста. Их программа на этом возрасте и базируется. Опыт увел нас от этого общего правила. В нашей школе мы стремимся к разновозрастности по крайней мере в 3 года. Такое требование выдвигает жизнь: как в семье, где есть дети и трех, и пяти, и шести лет. Логика природы!

Где бы наш метод ни развивался, везде видна связь между школьным и дошкольным обучением. Один из секретов этого – открытые двери. Наши дети свободно перемещаются из комнаты в комнату, попадая туда, где занимаются более старшие. В занятия обычной школы это внесло бы ужасный беспорядок. Представим: 4-5 учителей, до предела напрягающих свой голос, пытающихся что-то объяснить, сказать, одернуть. И каково детям разобраться в том, что хочет сказать им учитель. Все понимают, что двери в обычной школе надо держать закрытыми: ведь если детям, которые все время скучают, дать свободу, они исчезнут – пойдут гулять по улицам или бродить по саду – и учитель может остаться в одиночестве.

Если вы попытаетесь сравнить старую школу с закрытыми дверями с организацией нашей школы, то разница покажется вам невообразимой. Они предполагают совершенно различные взаимоотношения, атмосферу и организации. Вы можете спросить: как же дети одной группы свободно общаются с другой? А через эти самые открытые двери! Я помню одного ребенка, который хотел позаимствовать счетные палочки из другой комнаты, но не мог за один раз перенести больше одной. Ему приходилось несколько раз входить и выходить, каждый раз тщательно и бесшумно открывая и закрывая двери. И дети, которые в это время были заняты работой, не обращали внимания на человека, который ходит взад и вперед.

Одно из удачных достижений современной архитектуры – перегородки между классами, выполненные в виде низких, на уровне детских голов, стен. Учитель может наблюдать за всеми детьми сразу. Иногда, чтобы сделать комнату более красочной, используют шторы. Эти низкие стены могут служить подставками для цветочных ваз и вазонов с комнатными растениями. Одна из школ в Риме была в форме полукруга. Это было просторное здание, вмещавшее 150 детей от 3-х до 6 лет. Пол в амфитеатре был разделен на различные помещения такими низкими стенами, дверей совсем не было. Поскольку потолок был высок, мы построили вдоль стены узкий балкон и использовали его для слушателей курсов и гостей. Единственное, что мы просили от наблюдателей – тишины. Было очень красиво смотреть на работающих 150 детей, где между каждыми двумя группами проходят длинные линии растений, цветов и аквариумов с золотыми рыбками. Около пяти элегантных дам, иногда с помощниками, тихо ходят посреди работающих детей или стоят и наблюдают. Иногда дети обращаются к ним с вопросом.

Каковы следствия такой свободы, где у детей не только свобода выбора, но и свобода

передвижения? Проводя многочисленные эксперименты, я заметила, что в ситуации свободы ребенок ищет и занимает по своему желанию какое-то одно определенное место. Видимо, в натуре человека потребность к собственному дому, прибежищу. «Мне нужно хоть немного места, чтобы назвать его своим». Поэтому в наших школах есть маленькие стенные шкафчики, где у каждого ребенка свой личный ящичек, где он может хранить, что ему хочется.

Любопытная штука это стремление детей к порядку! Они хотят, чтобы вещи стояли на одних и тех же местах, они берут материал, работают с ним в саду, а потом ставят на полку точно на то место, откуда взяли. Свобода передвижения развивает в человеке настоятельную потребность к фиксации места. Вот почему ребенок, покидая класс, не убегает на улицу, а ходит по другим группам и видит, что интересные вещи продолжают и там.

В Голландии я наблюдала маленьких детей, находившихся со старшими и видела, как ин начинают интересоваться материалом слишком сложным для них оказывается маленький ребенок в состоянии изучить гораздо больше, чем мы могли бы предположить. Я видела так же, как старшие дети иногда возвращались в комнаты младших в поисках деятельности и брали старые упражнения. Им не хватало ясности в своих продвинутых упражнениях. Дети учатся друг у друга и поэтому растут и развиваются.

Вы не можете себе представить, насколько хорошо младший учится у старшего, насколько терпелив старший к затруднениям младшего. Нет ничего, что заставило бы вас узнать что-либо лучше, чем обучить этому другого, в особенности если сами вы знаете предмет не достаточно совершенно. Ведь работа другого выступает как контроль ошибок для вас самих и побуждает вас получить больше знаний, чтобы дать, что ему надо.

Все это наталкивает на мысль, что существуют градации психического развития и разница между ребенком и взрослым так велика, что взрослый может оказать маленькому ребенку помощь гораздо меньшую, чем тот, кто ближе к нему по возрасту. Поэтому говорят: «Чтобы понять ребенка, надо самому быть ребенком.». разные возраста в школе – большое подспорье для учителя.

Итак, главное, что мы должны помнить.

Первое – это интерес ребенка, который приводит его к сосредоточению на учебе. Во-вторых, сотрудничество детей, неоценимая база которого – разновозрастность. В-третьих – существование человеческого инстинкта автономности, который приводит к дисциплине и порядку. И все это основы организации школы моего направления.

Индия, 1942 г.

Перевод с английского В. Златопольского

Педагогический метод

Открытие ребенка

Развивающий материал.

Наш материал, предназначенный для развития органов чувств, имеет свою собственную историю. Он возник на основе отбора. Тщательной психологической проверке подвергся материал, используемый Итардом и Сегеном для воспитания умственно отсталых и неполноценных детей, тестовый материал, разработанный в рамках экспериментальной психологии, и, наконец, ряд предметов, которые я создала в первый период моей самостоятельной экспериментальной работы.

Во время апробации велось наблюдение за тем, каким образом эти различные средства используются детьми, какую реакцию они вызывают у детей, используются ли отдельные предметы повторно и, прежде всего, какое развитие они делают возможным. Постепенно мы получили надежные данные, вызвавшие либо отодвижение на второй план или изменение, либо включение отдельных предметов в наш материал. Цвет, форма, размеры, короче говоря, все качества предметов были установлены путем экспериментальной проверки. Это была стадия работы, выходящая за рамки данной книги и поэтому тем более заслуживающая отдельного упоминания.

Во избежание недоразумений и дабы отвлечь критику, возникшую после распространения нашей методики по всему миру, может быть также полезным объяснение цели наших сенсорных упражнений. Упражнение и стремление утончить чувственное восприятие имеет очевидную ценность, поскольку таким образом поле восприятия расширяется и поэтому, служа основой развития интеллекта, становится все более богатым и «плодородным». Благодаря контакту с окружением и собственным исследованиям, ребенок формирует запас понятий, которыми может оперировать его интеллект, без этого запаса способность к абстракции оказывается лишенной как основания, так и точности, как уверенности, так и необходимых стимулов. Контакт с окружением осуществляется с помощью органов чувств и движений. Как бы то ни было, независимо от того, возможно ли или нет упражнение и развитие органов чувств, является ли это лишь временным качеством тех людей, которые в более позднем возрасте используют органы чувств не так часто и не с такой полнотой, как это бывает необходимо для некоторых особенно практических и связанных с сенсорной активностью профессий, ценность упражнения органов чувств от этого не уменьшается, поскольку именно в этот период развития формируются фундаментальные понятия и свойства интеллекта. Есть еще один аспект, определяющий важность упражнения органов чувств. Ребенок двух с половиной, трех лет, поступающий в монтессорианскую школу, успел в течение предшествующих очень активных, чрезвычайно духовно насыщенных лет накопить, впитать в себя массу впечатлений. Важные, наполненные смыслом и случайные впечатления сложены вместе и создают беспорядочное, но довольно значительное богатство подсознательной сферы. При постепенном становлении сознания и воли возникает насущная потребность в создании порядка и ясности, в разграничении важного и случайного. Сейчас ребенок созрел для переоткрытия своего окружения и собственного богатства полученных от этого окружения впечатлений. Для удовлетворения этой потребности ребенку необходим точный, научно обоснованный путеводитель. Таким путеводителем могут служить наш материал и наши упражнения. Этого ребенка можно сравнить с наследником, который еще не осознал величину принадлежащего ему богатства, но который с нетерпением ждет возможности оценить его как настоящий знаток, упорядочить его и составить надлежащую опись с тем, чтобы иметь его в своем

полном и немедленном распоряжении.

В случае сомнений в неизменности обостренной и усиленной сенсорной способности на протяжении всего жизненного периода некоторых людей, можно рассматривать последнее как достижение, имеющее преходящую ценность. Обычно было принято думать, что первая цель, связанная с упражнениями органов чувств в рамках нашей методики, рассматривалась нами также как важнейшая, тогда как, на самом деле, вторая цель оценивается нами не ниже, более того, она преследует более глубокие изменения. Наша собственная экспертиза и опыт наших последователей еще более утвердили нас в этом мнении.

Наконец, мы хотели бы также подчеркнуть большую услугу, оказываемую нашим сенсорным аппаратом и его упражнением в распознании нарушения функций органов чувств. Это чрезвычайно важно, так как в этот период еще многое можно сделать, чтобы восстановить данные недостатки.

Общие указания в отношении материала, используемого для развития органов чувств. Сенсорный материал состоит из ряда предметов, сгруппированных в соответствии с определенными свойствами тел, такими как цвет, форма, размеры, звук, свойство поверхности, вес, температура и т.д. Например, имеются: набор колокольчиков, отражающих музыкальные тона, ряд дощечек различных цветов, расположенных в определенной последовательности, брусочки одинаковой формы, но разной величины, а также другие группы предметов, различие между которыми определяется геометрической формой. Кроме того, имеются предметы, имеющие различный вес, но одинаковую величину, и т.д. и т.п.

Каждый набор предметов представляет в групповом сочетании то же качество, но в различной степени. Таким образом, речь здесь идет о постепенном продвижении, с регулярным различием между предметами, по возможности подтверждаемым математически.

На практике это часто требует дальнейшего оформления, установки границ, что зависит от психологической расположенности ребенка, который выбирает наиболее для него важное. В результате этого мы отбираем только тот материал, который по настоящему «интересует» маленького ребенка и который длительное время может служить предметом спонтанно выбираемого и повторяемого упражнения.

Каждая группа предметов (или материал: звуковой материал, цветовой материал и т.д.) предполагает, таким образом, постепенное продвижение в обе стороны ряда «по возрастанию» и «по убыванию», к максимуму и к минимуму, определяющим границы ряда. В принципе, эти границы больше устанавливаются посредством практического использования материала самим ребенком. Обе эти крайности, расположенные рядом друг с другом, показывают наиболее заметным образом различие, присутствующее в целой серии, и поэтому наиболее четко выражают контраст, которого можно достичь, благодаря использованию материала. Там, где контраст сильно бросается в глаза, различия становятся очень заметными и, таким образом, уже могут пробудить интерес еще прежде, чем ребенок подходит к самому упражнению.

Выделение того качества, которое хочет продемонстрировать материал.

Каждый предмет, который мы хотим использовать для сенсорного развития, необходимо демонстрирует многочисленные и разнообразные свойства: вес, качество поверхности, цвет, форму, размеры и т.п. Каким образом нам необходимо организовать работу так, чтобы ряд, напротив, мог продемонстрировать одно единственное свойство? Для этого важно это единственное качество предмета выделить среди всех остальных. Эта сложность может быть преодолена именно благодаря расположению ряда предметов в порядке постепенного изменения (возрастания или убывания) выбранного качества.

Необходимо использовать предметы, совершенно сходные друг с другом во всем, кроме этого одного изменяющегося качества.

Если мы хотим предложить предметы, обучающие, например, различению цветов, мы должны выбрать те, которые сделаны из одного и того же материала, имеют одинаковую форму и размеры, но различаются только по цвету. Если же мы хотим предметно продемонстрировать различные тона звуковой гаммы, то нам необходимо выбрать предметы, совершенно одинаковые внешне, например, колокольчики, которые мы используем в нашей системе. Они имеют одинаковую форму и размер и расположены на абсолютно одинаковых подставках, но если ударить по ним молоточком, они дают различные тона, и эти тона являются единственным различием, воспринимаемым органами чувств.

Поэтому маленькие инструменты с различными по величине клавишами или трубочки различной высоты, расположенные по принципу органной трубы, которые мы предлагаем детям в качестве музыкальных игрушек, не подходят для настоящего упражнения музыкального слуха, так как целью этого упражнения является обучение различению «тонов». Ибо в этом случае глаза могут прийти на помощь, чтобы различить их в соответствии с размерами, в то время как ухо должно быть единственным воспринимающим органом и судьей.

Используя этот способ, нам удастся внести большую ясность в различение вещей, и понятно, что ясность как раз и является основой интереса к «различению».

Далее из психологии нам известно, что человек, для того чтобы заставить сильнее выделяться отдельные свойства, должен изолировать, насколько это возможно, соответствующие органы чувств: осязательное впечатление будет яснее, если оно будет связано с предметом, не проводящим тепло, то есть не вызывающим одновременно впечатлений, связанных с температурой, и если человек находится в темном или тихом помещении, где он не может получать зрительных или слуховых впечатлений, мешающих работе осязательных органов, эффект еще более увеличится. Таким образом, здесь имеются две стороны: человек может быть изолирован от всяких других впечатлений, получаемых от окружения, и материал может, благодаря системе постепенного продвижения, сфокусировать внимание на одном единственной свойстве.

Такая точность устанавливает стандарт для степени совершенства, которого мы должны стремиться достичь, и дает некоторый разбор качеств, анализ, которых не ограничивается только теми предметами, которые мы даем ребенку. Если ребенок начинает упражняться с этими предметами, в нем развивается способность внутреннего анализа, способствующего упорядочению его ума.

Маленький ребенок, который по своей природе является страстным исследователем своего окружения, поскольку у него еще не было времени или возможности заняться тщательным изучением этого окружения, с удовольствием «закрывает глаза» или позволяет завязать их платком, чтобы устранить свет, когда он только с помощью рук начинает изучать форму предметов. Он также соглашается с тем, что мы помещаем его в темноту для того, чтобы он попробовал воспринять самые слабые звуки.

Фундаментальные качества, присущие всему, что окружает ребенка в воспитывающей обстановке.

Ко всем, уже названным в предыдущей главе качествам, следует добавить еще несколько качеств, которые, в принципе, не характерны только для сенсорного материала, но которые должны будут, по возможности, распространяться на все, что окружает ребенка. Речь идет о следующем:

1. Проверка ошибок.

В большинстве случаев предлагаемый ребенку материал уже содержит в себе «проверку ошибок», как, например, в случае деревянных футляров для цилиндров, которые представляют собой продолговатые деревянные болванки с углублениями, куда могут вставляться цилиндры постепенно изменяющихся размеров, от толстых – к тонким, от длинных – к коротким, от больших – к маленьким. Поскольку цилиндры точно соответствуют величине отверстий, невозможно неправильное их распределение, так как, в конце концов, по меньшей мере один будет оставаться без места, что всегда будет свидетельствовать о сделанной ошибке.

Также если во время застегивания чего-либо будет сделана порядковая ошибка – пропущена петля или забыта пуговица, всегда будет оставаться пустая петля или лишняя пуговица. При использовании других частей материала, например, трех наборов брусков величина, цвет и другие качества предметов будут являться причиной очевидности ошибок, благодаря тому факту, что ребенок к этому времени уже сможет потренироваться в их распознавании.

Ощутимый контроль за ошибками приводит ребенка к тому, что он начинает во время упражнений использовать свой разум, свою оценку, направлять свое внимание со все большей заинтересованностью на точность, использовать свои умственные способности для выявления маленьких различий, и таким образом его сознание будет подготовлено к проверке ошибок, даже если последние больше не будут ощутимыми и не будут поддаваться восприятию органов чувств.

И не только предметы, используемые для сенсорного развития и для воспитания общей культуры, но все, что окружает ребенка, устраивается таким образом, чтобы сделать контроль за ошибками достаточно простым. Все присутствующие вещи, от предметов мебели до каждого отдельного предмета развивающего материала, являются как бы носителями ошибок, их поучительного тона невозможно избежать.

На светлых цветах и блестящих поверхностях хорошо заметны пятна, легкая конструкция мебели выдает еще несовершенные и неловкие движения, например, если ребенок падает или с шумом передвигает мебель по полу. Все окружение, таким образом, является строгим воспитателем и неизменно бдительным часовым, и каждый ребенок выслушивает наставления, как будто он один призывается к ответственности этим неодушевленным учителем.

1. Этика.

Другое качество предметов – это их привлекательная внешность. Мы старательно заботимся о цвете, блеске, гармонических формах всего, что окружает ребенка. Не только сенсорный материал, но и все окружение устраиваются таким образом, что оно привлекает ребенка, как в природе яркие лепестки цветов привлекают насекомых, чтобы дать им полакомиться скрытым нектаром.

«Обращайся со мной аккуратно», - говорят светлые и блестящие столики. «Не забывай пользоваться мной», - зовут маленькие метелки с красиво покрашенными ручками.

«Окуни в нас свои ручки», - приглашают чистые тазики, рядом с которыми лежат готовые мыльца и щеточки.

И вешалки с серебристыми крючками на зеленой материи, и красивые розовые кубики, и наборы красок с 63 цветами, и цветные буквы алфавита, лежащие в своих ячейках, - все эти вещи зовут, привлекают к себе внимание.

И ребенок подчиняется предмету, который в данный момент наиболее полно отражает его потребность в действиях. Так лепестки полевых цветов своим запахом и цветом зовут к себе другие существа, но насекомое выбирает тот цветок, который для него создан.

1. Работа.

Еще одним качеством развивающего материала является то, что он должен быть подходящим для деятельности ребенка. Способность постоянно привлекать заинтересованное внимание ребенка зависит не столько от «свойств» предметов, сколько от предоставляемой ими возможности деятельности.

Это означает: чтобы пробудить интерес ребенка к какому-либо предмету, не достаточно только самостоятельной значимости данного предмета, он должен также подходить для деятельности ребенка. Например, это должны быть маленькие предметы, которые можно перемещать, - и тогда это скорее будет движение руки, нежели сами предметы, которое будет постоянно побуждать ребенка к перестановке, возвращению на место и новому расположению предметов, что долгое время будет поддерживать его активность. Красивая игрушка, интересная картинка, увлекательный рассказ могут, без сомнения, привлечь внимание ребенка, но если ребенку удастся только «посмотреть», «послушать» или «потрогать» предмет, с которым ничего нельзя сделать, то его внимание останется поверхностным и будет блуждать от одного к другому. И поэтому все предметы окружения ребенка должны подходить для его активной деятельности. Они тоже должны быть красивыми, но красота будет привлекать ребенка не более одного дня, тогда как тот факт, что каждый предмет можно взять с собой, попользоваться им и потом вернуть его на место, делает силу привлекательности окружающей обстановки неисчерпаемой.

1. Ограничение.

Наконец, все «учебные средства» для развития имеют еще одну общую черту, до сих пор еще чрезвычайно мало понятую, однако имеющую большую педагогическую важность. Речь идет о следующем: материал должен быть «ограничен по количеству». Если мы однажды констатируем этот факт, он становится логичным и ясным для нашего понимания. Нормальному ребенку не нужны «раздражители», «приводящие его в контакт с реальным окружением». Он бодрствует и различными способами постоянно осуществляет свою связь с окружением. Наоборот, ему присуща потребность в упорядочении хаоса, возникшего в его сознании благодаря огромному количеству впечатлений от окружающего мира.

Он не идет по жизни как «лунатик», что бывает с неполноценными детьми, наоборот, он является «бесстрашным исследователем нового для него мира», и в качестве исследователя он ищет «дорогу» (то есть то, что имеет границы и ведет куда-либо), которая приведет его к цели и предохранит его от утомительных блужданий, мешающих продвижению вперед. В этом случае он страстно привязан к вещам, которые – ограниченные определенными рамками и ведущие прямо к цели – вносят порядок в хаос, возникший внутри него, и вместе с порядком способствуют прояснению его пытливого ума и служат путеводителем в его исследованиях. Первый же предоставленный самому себе разведчик становится при этом «просвещенным» человеком, который на каждом шагу делает открытия и с новой силой продвигается вперед, движимый внутренним удовлетворением.

Каким образом данный опыт должен внести изменения в представления многих тех, кто еще думает, что ребенку мы помогаем тем больше, чем больше развивающих предметов мы предоставляем в его распоряжение! Мы все ошибочно верим в то, что ребенок, имеющий «наибольшее количество игрушек» и получающий «наибольшую помощь», должен также быть наиболее развитым. Напротив, именно неорганизованная масса предметов смущает душу, создавая в ней новый хаос, и вызывает подавляющее чувство уныния.

«Ограничение» помощи, позволяющее ребенку создать порядок в его уме и облегчающее понимание им окружающих его многочисленных вещей, чрезвычайно необходимо для того, чтобы помочь ребенку сохранить силы и уверенно выйти на трудную дорогу развития.

Наставница

Наставница, которая хочет посвятить себя специальному воспитанию, должна, прежде всего, ясно понимать, что ее целью не является привитие ребенку знаний о свойствах вещей, таких как размер, форма, цвет и т.п., с помощью отдельных предметов. Целью не является также привести ребенка к тому, чтобы он «мог безошибочно использовать материал, который ему предлагается», то есть чтобы он был в состоянии хорошо выполнять упражнения. Такой подход поставил бы наш материал на один уровень с любым другим, например, с материалом Фребеля, и снова потребовал бы активного участия наставницы, которая должна была бы прививать знания и стараться исправить каждую ошибку, пока ребенок не освоит материал. Наконец, этот материал не является новым учебным средством, которое мы даем в руки активно настроенной учительнице, чтобы помочь ей в выполнении ее задачи, состоящей в ведении урока.

В данном случае речь идет о радикальном перемещении центра деятельности, который раньше безусловно приходился на учительницу, а в рамках нашей методики, напротив, в первую очередь связан с ребенком.

Воспитательная работа распределяется между наставницей и окружением. На место бывшей «дающей урок» учительницы пришло намного более сложное целое, то есть, кроме учительницы, появился еще ряд предметов (развивающий материал), который вместе с ней воспитывает ребенка.

Глубокое различие между нашей методикой и, так называемыми, «наглядными уроками» в рамках старых методик заключается в том, что предметы у нас не являются вспомогательным средством объясняющей урок учительницы, то есть они в этом смысле не формируют «дидактический материал».

Предметы, а не обучение наставницы играют главную роль, и поскольку их использует ребенок, именно он, а не наставница, является активным центром деятельности.

Однако, наставница также имеет многочисленные функции, ее содействие отнюдь не отодвигается на второй план, но она вносит свой вклад путем многообразных, осторожных и тактичных действий. Слова, демонстрация силы, строгость с ее стороны становятся излишними. Напротив, она должна с мудрой осторожностью и вниманием наблюдать, служить, приходить на помощь или отступать на второй план, уметь говорить или молчать в соответствии со случаем или потребностью. Ей отводится нравственная работа, о которой до сих пор не было речи ни в одной методике, - это сочетание спокойствия, терпения, любви и скромности. Добродетели, а не слова, являются основными воспитательными средствами.

Если мы попытаемся кратко сформулировать ее основную задачу в школьной практике, мы сможем выразить это следующим образом: наставница должна продемонстрировать возможность использования материала. Она, в основном, является связующим звеном между материалом (предметами) и ребенком.

Простая, скромная задача, требующая, однако, гораздо больше такта, нежели манера работать в старых школах, где, в противоположность нашей методике, материал был лишь простым вспомогательным средством, имеющим целью облегчение интеллектуального контакта между учительницей, которая должна была передавать свои мысли, и ребенком, который должен был эти мысли воспринимать.

У нас работа является прерогативой ребенка, который выбирает свои предметы и занимается с ними в рамках активного и продолжительного упражнения. Наставнице остается только следить за тем, чтобы подход к работе был достаточно простым и ясным. Нечто подобное мы наблюдаем в гимнастическом зале, где есть необходимость как в учителе, так и в снарядах: учитель объясняет использование шведской стенки и колец, показывает, как пользоваться гантелями и т.д., а ученики используют эти предметы и «развивают» таким образом силу, быстроту и все, что может быть развито, когда мышечная энергия приводится в контакт с различными вспомогательными средствами,

имеющимися для упражнения в гимнастическом зале.

Этот учитель гимнастики не разговаривает, однако, он является проводником, гидом. И так же, как он с помощью пространных рассуждений смог бы воспитать только одного сильного ученика среди всех, так и старая школа потерпела поражение в попытке усилить индивидуальность и характер детей. В наших же школах, где учительница ограничивается руководством и необходимыми указаниями и, так сказать, предоставляет в распоряжение «снаряды для умственной гимнастики», дети набираются сил, превращаются в индивидуальности с сильным характером и хорошо развитой самодисциплиной, их внутреннее здоровье является блестящим и наиболее заметным результатом освобождения их духа.

Образование, которое должна получить наша наставница, состоит из двух частей, поскольку она и в совершенстве должна овладеть принципами работы, входящей в ее задачи, и хорошо должна усвоить функцию предметов, выступающих в качестве развивающего материала.

Трудно подготовить такую учительницу «теоретически», - ведь речь здесь идет о том, кто «формирует самого себя», кто должен научиться наблюдать, должен научиться быть спокойным, терпеливым и скромным, кто должен уметь подавлять свои собственные импульсы, и чья работа одновременно отражает исключительно практические цели и является чрезвычайно тонкой задачей. Она, в свою очередь, испытывает большую потребность в самоупражнении и гимнастике, чем в книге, которая исключительно апеллирует к разуму.

Тем не менее, она может легко обучиться тому, что ей предстоит делать. Это означает, что она должна выступать в качестве того, кто умеет привести ребенка в активное состояние.

Она должна уметь выбрать подходящий предмет и так его преподнести, что ребенок поймет, в чем дело, и таким образом ей удастся пробудить его живое внимание к предмету.

Наставница поэтому должна в совершенстве владеть материалом, всегда быть готовой к его применению, она должна также тщательно изучить технику предложения, разработанную нами экспериментально, приобрести опыт работы с ней, с тем чтобы уметь целенаправленно руководить ребенком при использовании им данного материала. Все это, в первую очередь, зависит от подготовки наставницы. Некоторые общие принципы, призванные служить путеводной нитью в практической работе, она может изучить теоретически, но только с помощью опыта она овладеет способностью тонко варьировать применение материала для того, чтобы привести разные индивидуальности к выполнению правильных упражнений так, чтобы, например, не задерживать уже более развитый ум работой с материалом, который отстает от уровня индивидуальных способностей и поэтому пробуждает скуку. Она научится не предлагать ребенку те предметы, к которым он еще не готов и которые поэтому способны превратить первый детский энтузиазм в отчаяние.

Знание материала.

Для того, чтобы хорошо познакомиться с материалом, будущей наставнице недостаточно ограничиться его рассмотрением, изучением его с помощью книги и освоением его применения на основе объяснений преподавателя курсов. Совершенно необходимо, чтобы она сама некоторое время поупражнялась с материалом и таким образом попыталась бы почувствовать, в чем могут заключаться сложности или привлекательные аспекты различных частей материала, и хотя и не полностью, но пережить те впечатления, которые ребенок на этой основе может получить. И если наставница к тому же имеет достаточно терпения, чтобы так же должно повторять упражнение, как это делал бы ребенок, она сможет рассчитывать на своем примере, какую энергию и упорство способен затратить на упражнение ребенок определенного возраста. С этой последней целью наставница может расположить материал по степени сложности и таким образом проверить виды

деятельности, которые ребенок может развивать по мере взросления (см. далее главу о порядке упражнений).

Обеспечение порядка в окружающей обстановке.

Кроме того что наставница должна привести ребенка в соприкосновение с материалом, она знакомит его с порядком, царящим в окружении. Это означает, что она должна научить ребенка подчиняться правилу, на котором основана практическая дисциплинированная организация – может быть, и очень простая организация, однако достаточная для того, чтобы гарантировать спокойную работу. Каждый предмет при этом должен иметь свое постоянное место, куда его каждый раз убирают и где его всегда можно найти, если он не используется. Ребенок может брать учебное средство только в том месте, где находятся предметы для выбора, и когда он заканчивает им пользоваться, он должен возвратить его в том же состоянии на то же место, где он его взял. Таким образом, все сводится к тому, что ребенок никогда не может рассматривать упражнение в качестве законченного, если он удовлетворил лишь свой собственный импульс. Напротив, он всегда должен доводить работу до конца и добровольно принимать во внимание порядок, установленный в окружении, и правила, обеспечивающие этот порядок. Ребенку никогда нельзя передавать материал, с которым он работает, своему товарищу, тем более брать материал у товарища.

Таким способом с самого начала исключается какое-либо соперничество. Предмет, который не лежит на своем постоянном месте, не существует для того, кто его ищет. И если он очень хочет его получить, ему ничего не остается, как набраться терпения и подождать, пока его товарищ не кончит пользоваться им и не положит его на место.

Неослабное внимание.

Наконец, наставница должна «бдительно» следить за тем, чтобы ребенку, углубленному в работу, не мешали другие. И эта роль духовного «ангела-хранителя» тех, кто совершенно погружен в требующие напряжения занятия, благодаря которым может быть достигнут более высокий уровень развития, относится к наиболее торжественной части ее обязанностей.

Ведение уроков.

Руководя работой с материалом (уроки наставницы), она должна различать два эпизода.

На первой стадии она приводит ребенка в соприкосновение с материалом, посвящает его в возможности использования материала. (Время посвящения).

На второй стадии она снова возникает между материалом и ребенком, который, благодаря своим спонтанным упражнениям, приобрел способность улавливать различия между предметами, чтобы помочь этому ребенку сделать следующий шаг.

Тогда наставница может придать более четкую форму понятиям, которые ребенок успел спонтанно приобрести, и дать названия соответствующим увиденным различиям. (Урок названий).

Техника ведения уроков.

Первая стадия: Посвящение.

Выделение предмета.

Помощь, оказываемая наставницей, состоит в предложении материала таким образом, чтобы показать ребенку, как им пользоваться. Этого можно достичь, если наставница один или два раза покажет, как выполняется данное упражнение. Например, вынуть цилиндры из футляров, перемешать их и снова вставить их в нужные углубления. Или перемешать цветные шпульки (тоненькие дощечки с намотанными на них цветными нитками), чтобы потом разобрать их по парам, таким образом беря их, чтобы не задеть

ниток, и так продолжать дальше, каждый раз кладя шпульки одинакового цвета друг рядом с другом.

Пробуждение внимания.

Когда наставница предлагает ребенку новый предмет, она не должна делать это просто с равнодушным видом. Напротив, всегда показывая свой живой интерес, она старается привлечь внимание ребенка к данному предмету.

Избегать неправильного использования предметов. Эффективный способ избежания неправильного использования материала заключается в предложении ребенку того материала, который в этот момент наиболее соответствует стадии его развития. Правильный способ предложения также гарантирует хорошее использование. Если же она, тем не менее, замечает, что материал используется не по назначению, то есть он не способствует развитию ребенка, она должна остановить такую работу, делая это, однако, очень деликатно в тот момент, когда ребенок спокоен и доброжелательно настроен. Если же ребенок, напротив, показывает, что он не хочет соблюдать порядок, она должна остановить его, применив силу, но не как «наказание» за его шумливость и беспорядок, а как предложение авторитетной помощи.

В подобном случае авторитет является действенной поддержкой ребенка, который временно выйдя из равновесия и переживая внутреннюю дисгармонию, нуждается в силе, на которую он мог бы опереться, подобно тому, кто, споткнувшись, ищет, за что бы он мог ухватиться, чтобы удержаться на ногах. В такой момент предоставляемая помощь является «дружеской рукой, которую сильный протягивает слабому».

Когда же ребенок, напротив, «работает», он находится в полном равновесии и единственно нуждается в материале, в который он смог бы углубиться, подобно тому, как телу, желающему приобрести абсолютную ловкость, понадобятся для этого гимнастические снаряды.

Имеются два вида ошибок, которые может совершить ребенок, и которые мы ясно должны различать: во-первых, ошибки, контролируемые самим материалом, которые происходят от того, что ребенок, несмотря на желание правильно выполнить упражнение, которое он хорошо знает, все же не достигает успешного результата, потому что он еще не созрел для этого, или потому что его органы чувств еще не воспринимают различных раздражителей, или потому что он еще не в достаточной степени овладел механизмом определенных движений. Например, он неправильно вставляет цилиндры в углубления, потому что еще не видит различий между ними, или по той же причине ставит большой кубик на маленький, когда пытается построить пирамиду, и т.д.

Подобные промахи выявляются самим материалом, который не позволяет незаметно продолжать ошибочные действия, они могут быть исправлены на основе дальнейшего усовершенствования ребенка, то есть на основе тех «перемен» в нем, которые вытекают из продолжительных и правильных упражнений с материалом. Такие ошибки можно отнести к известной категории, о которой принято говорить: на ошибках учатся. Они преодолеваются решительностью с помощью средств, предлагаемых извне.

Другой вид ошибок происходит в результате нежелания или в результате недостаточно тщательно проведенных уроков. Например, если ребенок футляр цилиндра использует в качестве тележки, или строит домики из цветных шпудек, или начинает ходить по длинным палкам, которые он расположил в ряд, и т.п. Это неправильное использование материала, соответствующее внутреннему беспорядку или потребностям, отличающимся от тех, которые удовлетворяет материал, из-за чего этот материал становится бесполезным и вследствие чего у детей наблюдается шумливость и пустая трата энергии. Все это действия, лишаящие ребенка возможности концентрации и, таким образом, мешающие его совершенствованию и развитию. Это можно сравнить с кровоизлиянием, лишаящим систему кровообращения значительного количества крови, тогда как кровь

должна концентрироваться в сердце с целью сохранения здоровья и жизни. О таких ошибках нельзя сказать: «на ошибках учатся». Напротив, чем дольше ребенок продолжает делать ту же ошибку, тем дальше он удаляется от возможности учения.

В таких случаях авторитет наставницы должен прийти на помощь детской душе, подвергающейся опасности, будь то в мягкой форме или с применением некоторой силы.

Необходимо уважать полезную деятельность.

Когда же, напротив, ребенок не бесполезно использует материал, а так, как показала наставница, или другим, им самим придуманным способом, выдающим разумную мысль, наставница позволяет ребенку продолжать повторение того же упражнения или проведение его собственных опытов с материалом так долго, как он сам того желает, никогда не прерывая его деятельности, ни путем исправления маленьких ошибок, ни из опасения, что такая долгая работа может оказаться для ребенка слишком напряженной.

Хороший конец.

Если ребенок спонтанно оставляет лежать свою работу, что может означать, что исчерпан стимул, побуждающий его к использованию материала, наставница может (или должна, если это необходимо) вмешаться, чтобы позаботиться о том, чтобы ребенок убрал материал, так чтобы все снова, в соответствии с порядком, оказалось на своем месте.

Вторая стадия: Уроки.

Вторая стадия характеризуется тем, что наставница выступает в качестве посредника понятиям, с которыми ребенок познакомился, проделав, будучи посвященным в работу, уже большое количество упражнений и научившись определять различия в предлагаемом ему сенсорном материале.

Такое первое посредничество состоит в обучении правильным названиям вещей. Таким образом, мы помогаем ребенку научиться правильно выражать свои мысли, что довольно легко достижимо в этом юном возрасте.

Согласно нашей методике, это является одной из составных частей общей задачи наставницы. Данная задача требует чрезвычайной чуткости и такта, способности подбирать правильные слова, полностью покрывающие понятия, сформированные в сознании ребенка в результате работы с материалом.

Когда наставница произносит тщательно подобранные слова, она правильно и четко выговаривает их, следя за тем, чтобы хорошо слышны были составляющие звуки, однако не впадая в неестественный способ произношения, то есть избегая переигрывания.

Урок, разделенный на три ступени.

Для реализации данной цели (то есть, для обозначения понятий) я считаю урок, разделенный на три ступени, который использовал Сеген для того, чтобы развить у умственно отсталых детей ассоциации образов и слов, прекрасно подходящим и для нормальных детей. Поэтому эту форму мы применяем и в наших школах.

Первая ступень.

Ассоциация чувственного восприятия с именем.

Наставница должна начать с ясного произнесения существительных и прилагательных, о которых идет речь, не добавляя к ним ни одного другого слова, выговаривая слова очень четко и громко, так чтобы ребенок хорошо мог различать и ясно воспринимать звуки, составляющие слово.

Когда она, например, при первом сенсорном упражнении дает потрогать гладкую и шершавую бумагу, она говорит: «Это гладкое» и «Это шершавое», повторяя слово несколько раз с различной интонацией, но всегда очень ясно и отдельно: «гладкое,

гладкое, гладкое», - «шершавое, шершавое, шершавое».

Так, при упражнениях на восприятие температуры, она должна будет сказать: «Это холодное» – «Это теплое». И затем: «ледяной», - «прохладный», - «горячий».

Наконец, она переходит к общим терминам: «тепло», - «больше тепла», - «меньше тепла» и т.п. Поскольку уроки по называнию вещей должны заключаться в ассоциации имени с предметом или абстрактным понятием, представляемым именем, необходимо стремиться к тому, чтобы сознание ребенка одновременно и исключительно было занято предметом и именем, поэтому необходимо, чтобы кроме данного имени не произносилось никакое другое слово.

Вторая ступень:

Узнавание предмета с помощью соответствующего имени.

Наставница должна всегда быть в состоянии убедиться в том, что ее урок достиг поставленной цели. Поэтому ее первая проверка будет направлена на то, чтобы выяснить, происходит ли в сознании ребенка ассоциация имени с определенным предметом. Для этого она должна сначала некоторое время подождать: между уроком и проверкой всегда должна быть минута тишины. Потом она медленно спрашивает ребенка, очень ясно произнося только требуемое существительное или прилагательное: «Что гладкое?» – «Что шершавое?».

Ребенок показывает пальцем предмет, и наставница узнает, возникла ли нужная ассоциация.

Вторая стадия – самая важна из трех. Она предполагает настоящий урок, помогающий развить память и способность ассоциации. Если наставница видит, что ребенок отвечает, что он понимает, о чем идет речь, что он проявляет интерес, она еще несколько раз повторяет те же вопросы: «Что гладкое?» – «А что сейчас... гладкое?» – «А что шершавое?».

Многочисленное повторение вопроса и частое звучание нужного слова способствует его запоминанию, и при каждом повторении ребенок также повторяет упражнение, указывая на предмет, и ассоциирует предмет со словом, которое он в этот момент усваивает и которое закрепляется в памяти. Если, однако, наставница с самого начала замечает, что ребенок не проявляет внимания и дает неправильные ответы, не прилагая никаких усилий для того, чтобы делать это хорошо, она должна, вместо того, чтобы исправлять или настаивать отложить урок до следующего раза, до следующего дня. Ибо как можно поправить ребенка? Если ему не удастся связать имя с предметом, единственным способом помочь ему является повторение как действия, вызывающего чувственный раздражитель, так и соответствующего имени, иными словами – повторение всего урока. Но если ребенок ошибся, это означает, что в этот момент он не в состоянии прийти к психической ассоциации, которую мы хотели у него вызвать, - поэтому возникает необходимость выбора другого момента.

Если бы мы начали исправлять его и сказали бы, например: «Нет, ты ошибаешься, нужно ответить так», - то эти слова, заключающие в себе нечто вроде упрека, произвели бы на него большее впечатление, чем другое (например, гладкий, шершавый), они бы отложились у него в памяти, и запоминание других слов только бы замедлилось.

Напротив, минута молчания после ошибки не оказывает воздействия на детское сознание, и поэтому следующий урок может стать хорошим продолжением предыдущего.

Третья ступень.

Запоминание имени с помощью соответствующего предмета.

Эта третья ступень служит быстрой проверкой предшествующего ей урока. Наставница спрашивает ребенка: «Какое это...?», и если ребенок готов к этому, он даст желаемый ответ: «Это гладкое» – «Это шершавое».

Там, где дети бывают несколько не уверены в произношении часто новых для них слов,

наставница может на этот раз задержаться и еще один или два раза попросить ребенка повторить слова, выговаривая их яснее: «Какое это...?» – «Какое...?». если ребенок при этом делает заметные ошибки в произношении, то в этот момент необходимо тщательно их идентифицировать и, при необходимости, в другое время сделать с ребенком упражнения по исправлению произношения.

Через ребенка – к новому миру.

Мария Монтессори

Социальное и нравственное воспитание.

Вокруг значения понятия «нравственность» в воспитании господствует такая же путаница, как и вокруг понятия «свобода». С самого начала нравственность принято рассматривать как понятие, содержание которого изменяется в зависимости от периодов жизни и в различных жизненных обстоятельствах, и в этом случае, действительно, чрезвычайно трудно бывает определить его содержание в воспитании.

В настоящее время часто считают, что говорить о нравственном и религиозном воспитании не соответствует духу времени. При этом утверждают, что перед детьми не позволительно защищать никакую точку зрения из уважения к мнению их родителей. Насколько, в сущности, нелогично и странно мнение о том, что из уважения к суждениям взрослых мы должны лишать детей крайне необходимой им помощи.

Мы уверены в том, что ребенок, напротив, способен оказать нам большую поддержку в приобретении улучшенных знаний по вопросу нравственности. Большие трудности, связанные с этим вопросом в нашей собственной жизни, могут, вероятно, быть преодолены с помощью ребенка, который способен прояснить наши представления о социальных и нравственных вопросах, поскольку на примере своей жизни он может продемонстрировать нам их возникновение и первое развитие. Поэтому мы снова повторяем, что жизнь ребенка и жизнь взрослого отличаются друг от друга, но в состоянии оказать друг другу взаимную помощь.

Наш опыт воспитания маленьких детей позволил нам увидеть необходимость придания воспитанию социальной основы. Затем мы убедились в том, что существует очевидная связь между социальным опытом и развитием того, что туманно именуется «нравственностью».

Нравственность, как наука о нравах, действительно является абстрактным отражением «модуса вивенди», положительного образа жизни в обществе. Значение нравственного сознания выражается, прежде всего, в отношении к нашим ближним и в нашем приспособлении к жизни в обществе. Поэтому между нравственностью и социальной жизнью существует тесная взаимосвязь. Если же мы рассматриваем нравственность только в качестве абстрактного учения, мы упускаем из виду ее практическую сторону и, таким образом, отказываемся от ее жизненной реализации. Помимо абстрактного понятия нравственности, мы бы хотели видеть нравственное стремление в качестве практического применения правил, позволяющих обеспечить гармоничное общество. Если различные индивидуумы должны во взаимном согласии жить в едином сообществе, имеющим собственную цель, они должны подчиняться ряду законов нравственного характера. Нравственность в этом случае можно было бы рассматривать в качестве руководства к созданию практической и в то же время высокой формы адаптации к жизни в сознательном обществе.

Если жизнь протекает не на основе положительной и поступательной адаптации к реальным требованиям общества, нравственность, преподаваемая и усваиваемая в качестве абстрактного предмета, вступает в противоречие с реальной жизнью. Ребенок в этом случае не научился устанавливать связь между нравственными нормами и практической жизнью, к которой он не получил непосредственной подготовки. Это логично и достаточно очевидно, но этот важный вопрос имеет, кроме прочего, психологический аспект, в котором несколько труднее разобраться.

Нет необходимости еще раз указывать на то, что наша методика призвана помочь

развитию личности, ее индивидуальных качеств. Ввиду того, что ее принято рассматривать именно с этой точки зрения, иногда подразумевается, что она не предусматривает элементов социального воспитания. Поскольку иногда полагают, что рассмотрение отдельной личности исключает рассмотрение общества и наоборот, рассмотрение общества не учитывает роли индивидуума. Исходя из этого, метод воспитания, учитывающий потребности отдельной личности, должен был бы оставлять без внимания вопросы социального развития.

В действительности же с одной стороны, личность не может развиваться вне общества, и с другой стороны, не может существовать реального общества, не состоящего из индивидуумов.

Уже в природе мы наблюдаем, что все группы животных состоят из различных особей. Если это не так, то такую группу называют «колонией», а не семьей. В семье пчел или муравьев, например, каждая особь выполняет собственную задачу и, благодаря независимому существованию, может внести ценный вклад в сообщество, к которому она относится. Мы приводим эти два примера, потому что именно эти насекомые обладают инстинктами, нацеленными на их собственное существование, а также, так называемыми, социальными инстинктами, подробно описанными, в частности, Метерлинком. Когда такое насекомое развивается в самостоятельную особь, готовую позднее принять активное участие в жизни своей группы, в нем одновременно развиваются и социальные инстинкты, свойственные данному виду.

Из этого следует, что на самом деле не существует абсолютного противоречия между индивидуумом и обществом, но оба они тесно взаимосвязаны и живут во взаимозависимости.

Рассмотрение отдельной личности и ее жизненных потребностей составляет основу социального воспитания, а развитие социального чувства, в свою очередь, отвечает одной из наиболее фундаментальных потребностей личности.

Все психическое развитие зависит от наличия или отсутствия практической социальной адаптации. Умственное развитие также тесно связано с развитием социальных и нравственных сил, так что дети, формируемые только в интеллектуальной сфере и вынуждаемые взрослыми искусственно приспосабливаться к социальному окружению, заметно отличаются от детей, которые смогли приспособиться к социальной жизни на основе собственного опыта.

В первом случае мы видим детей с абнормальной картиной развития, в том числе и в интеллектуальном отношении. Они, например, медлительны в рассуждениях, хаотичны в мыслях, обладают плохой памятью по сравнению с детьми того же возраста, получившими возможность самостоятельно приобрести социальный опыт и обладающими живым умом и удивительной упорядоченностью понятий. Четкие различия наблюдаются и в личностном характере обеих групп. Дети последней группы спокойны и уравновешенны и не развивают тех психических реакций и того сопротивления, которые так часто встречаются у детей. Они на самом деле учатся без труда приспосабливаться к реальной жизни, и можно было бы сказать, что их поведение соответствует более высокому нравственному уровню, поскольку нравственное поведение маленьких детей принято оценивать по их психическим реакциям. Их эмоциональная жизнь также подвергается влиянию: они милы и услужливы, как если бы им было присуще более глубокое понимание жизни. Они любят людей и животных и обладают, таким образом, определенной нравственной чуткостью.

Подобный опыт показывает, насколько важно рассматривать человека и с практической стороны как единое целое и удовлетворять его потребности в их общей совокупности.

Человек – это социальное существо, потому что нормальное развитие может произойти, только на основе развития и осуществления всех жизненных ценностей.

Из этого также следует, что воспитание не сводится лишь к вопросам интеллекта.

Приобретение знаний должно дополняться социальным опытом, и развитие нравственных

стремлений поэтому естественным образом связано с этим явлением.

Что же мы понимаем под социальным опытом?

Значение этого предмета для воспитания заключается в том факте, что в различном возрасте должен приобретаться различный опыт. Не может, таким образом, существовать единственный тип, одинаково характерный для всех периодов развития. Напротив, в каждом возрасте человеку должна быть предоставлена возможность вести соответствующую этому возрасту социальную жизнь.

Часто допускаемая ошибка состоит в предположении, что ребенок с самого начала должен приспособиться к социальным условиям взрослого мира.

Это уже само по себе невозможно, так как ребенок обладает иными возможностями, чем взрослый, но кроме этого, и в первую очередь, потому что в таком случае мы бы хотели, чтобы ребенок приспособился к нашей социальной жизни, не получив для этого никакой непосредственной подготовки. В этой связи взрослый становится вынужденным прибегать к средствам принуждения, которые, в свою очередь, вызывают сопротивление ребенка и вредят его развитию.

Социальное и нравственное развитие также должны рассматриваться как жизненное явление, которое свойственно растущему ребенку. Оно минует последовательные фазы, так же как минует различные фазы и развитие личности. Нравственное воспитание поэтому должно принимать во внимание особенности каждой фазы.

Развитие интеллектуальной сферы может ограничиваться лишь постоянной учебой, в то время как для развития социальных отношений положительно необходимы контакты с определенным окружением и с другими живыми существами. Отдельная личность должна при этом научиться приспосабливаться и развивать качества, которые не смогли бы получить должного развития в условиях жизни вне общества. Вследствие этого, ребенок должен иметь возможность упражняться, используя при этом задания, которые постепенно распространяются все дальше и ставят все более высокие требования.

Наш первый опыт с детьми от 3 до 6 лет имел место в окружении, которое мы до некоторой степени заранее подготовили. Здесь им была предоставлена возможность совместной жизни и установления в условиях этого жизненного сообщества свободных отношений друг с другом. Таким образом, они имели свободу действий. Но ничто не связывает больше, чем именно свободное общество! Оно предоставляет возможность приобретения различного опыта, но с другой стороны, требует, чтобы каждый при развитии своих индивидуальных потребностей умел ограничивать себя в соответствии с потребностями других. В большинстве случаев принято считать такое ограничение индивидуальных потребностей, своего рода, самопожертвованием. В действительности же дело обстоит иначе. Приспособление в этом случае не испытывается как жертва. Дети демонстрируют скорее свое горячее желание чувствовать себя свободно и развивать свою личность в полную силу в этом социальном окружении. Общество, на самом деле, является средством, способствующим полному саморазвитию, и требования этого общества больше, нежели нечто другое, пробуждают в индивидууме интерес. Поэтому мы скорее наблюдаем выражение удовлетворенности, а не самопожертвования. Из этого мы могли бы сделать вывод, что данная адаптация к требованиям социального общества сама по себе не требует большого напряжения, но, напротив, отвечает естественному инстинкту человека и удовлетворяет его глубокую жизненную потребность. В отношении ребенка мы должны пойти даже несколько дальше и можем действительно констатировать, что социальный опыт не только отвечает потребностям, но и составляет основу развития индивидуальности, и поэтому – вообще всего воспитания.

Эти маленькие дети находятся в окружении, которое напоминает дом, и которое мы, поэтому называем «Домом детей». В этом окружении, созданном для детей и принадлежащем детям, они, в частности, делают, так называемые, упражнения из повседневной жизни. Эта работа по дому включает положительные, каждый день повторяющиеся занятия и представляет собой, в сущности, адаптацию к социальному

окружению. В жизни мы, на самом деле, должны удовлетворять различным требованиям, которые не имеют естественной природы, а связаны с процессом адаптации к окружению, созданному обществом.

До того, как эти маленькие дети продемонстрировали нам свой чрезвычайный интерес к этому процессу, возможность такого непосредственного приспособления детей к подготовленному для них окружению не подвергалась рассмотрению. Взрослый, в частности, принуждал ребенка жить в своем окружении, среди мебели, имеющей размеры, не соответствующие росту ребенка, и сам удовлетворял личные потребности ребенка посредством заботы, о нем, как если бы это была вещь, которой можно распоряжаться. В «Доме детей» дети учатся сами заботиться обо всем, что необходимо для повседневной жизни, в рамках их способностей и в подходящей для этого обстановке. Отношения с другими детьми, работающими в той же обстановке, никоим образом не ведут к столкновениям или соперничеству. Напротив, они часто ведут к сотрудничеству. Одним из самых замечательных проявлений этих отношений является взаимное восхищение работой друг друга, в особенности, со стороны старших детей по отношению к младшим, которые делают только первые попытки.

Интересно было увидеть, что дети никогда не приходят друг другу на помощь, если один из них испытывает трудности в своей работе. Взрослый, считающий, что дети должны учиться помогать друг другу, не сочтет это достойным похвалы. Ребенок же видит, что другой ребенок очень старается, и именно поэтому ему не помогает. Он осознает удовлетворение, возникающее в результате самостоятельного преодоления трудностей. Однако, в непредвиденной ситуации, когда случается та или иная неприятность и возникает действительная потребность в помощи, дети спонтанно спешат на помощь тому, кто оказался в этой ситуации. Они все бросают свою работу, какой бы важной она ни была, чтобы предложить помощь. Такие социальные отношения сильно отличаются от отношений взрослых. Ибо взрослые всегда готовы помочь друг другу в мелочах, часто там, где помощь совершенно не нужна или может только помешать, но если кто-то на самом деле нуждается в поддержке и рассчитывает на небольшую жертву с нашей стороны, часто мы торопливо ищем возможности от этого уклониться.

Постоянный труд и опыт совместной жизни чрезвычайно важны. Они способствуют развитию в двух направлениях: развитию личности и развитию социальных отношений. Мы видим тогда возникновение у ребенка внутреннего покоя и состояния нормальной жизнедеятельности, в рамках которой развивается также и эмоциональная сфера. В этом окружении мы могли также наблюдать внезапное исчезновение таких проявлений, которые принято объяснять непослушанием и озорством ребенка. Мы понимаем, что, так называемая, «безнравственность» маленького ребенка имеет свои границы и особые признаки.

Мы смогли засвидетельствовать случаи чрезвычайно тонкого выражения чистого чувства, глубокой привязанности и сопереживания. Удачным примером подобных чувств, которые у детей выражаются совсем иначе. Чем у взрослых, может служить следующий случай. Я сама выступала здесь в роли взрослого, и происходило это в нашей школе в Ларене. У нас была молоденькая козочка, которую еще кормили молоком, но которая могла уже есть и траву. Однажды я, кормя ее травой, поднимала пучок все выше, чтобы посмотреть, на сколько она сможет вытянуться на задних ножках. В этот момент я увидела маленького ребенка, который с серьезным видом подошел и стал поддерживать козочку, чтобы помочь ей дотянуться до травы. Это продемонстрировало нам, взрослым, как часто мы можем совершать поступки, не задумываясь ни на минуту о том, что они могут оказаться неправильными. Когда мы живем рядом с детьми, мы ежедневно получаем такие уроки. Мы иногда делаем что-либо без малейшего злого умысла, как, например, в описанном случае, но ребенок во время своего развития имеет гораздо более тонкую способность чувствовать многие вещи.

Одна и та же обстановка и форма социальной жизни никоим образом не подходят для

каждого возраста. То, что удовлетворяет ребенка от трех до шести лет, в более старшем возрасте становится недостаточным. Самостоятельная деятельность служит непоколебимой основой развития индивидуальности, но содержание ее должно всегда соответствовать ходу развития. Необходимо постоянное поступательное движение по этому пути. Необходимо создать возможность других форм социального опыта, стимулирующих дальнейшее развитие личности. Эти формы социального опыта имеют два важных аспекта: один направлен на приобретение личной независимости, другой – на практическое знание окружения, в котором живет человек, и на осуществление адаптации к жизни с помощью практических упражнений.

Таким образом, если в первый период жизни такую возможность предоставлял дом, обставленный специально для маленьких детей, то на следующей стадии это окружение должно быть расширено. Необходимо познание внешнего мира, а также приобретение все более наполненного образа жизни по мере продвижения по ступенькам развития.

В стенах дома не может быть приобретен социальный опыт, который способен удовлетворять и далее потребности развития личности. Ни закрытое семейное окружение, ни стесняющая ограниченность школы в этом случае не могут быть достаточными.

Иллюзией будет предполагать, что школьная жизнь может заменить социальную жизнь только потому, что в ее рамках находится большое количество детей и молодежи, которые, впрочем, на самом деле постоянно должны подчиняться руководству взрослого и никоим образом не могут развивать свою инициативу индивидуально или совместно.

Социальная жизнь не тождественна скоплению людей. Социальная жизнь есть организация людей, каждый из которых в отдельности осознает свою ответственность в отношении общественного порядка и выполняет в рамках этой организации свои индивидуальные обязанности.

Индивидуальная нравственность детей и молодых людей развивается поэтому, прежде всего, в семье, где отдельные личности ясно различаются по сравнению друг с другом и где существует индивидуальный контроль за действиями и признаваемая ответственность.

В семье нравственная убежденность действует даже сильнее, чем в интернатах, хотя именно там соблюдаются чрезвычайно строгая дисциплина и порядок. И все же и семья сейчас серьезно занята вопросом нравственного воспитания и формирования характера молодежи.

Принято утверждать, что преобразование общества должно начинаться с молодежи в результате развития у них чувства любви к ближнему, миролюбия и братства. Особенно в наше время сильно ощущается такая необходимость. Мы осознаем потребность в большей нравственной силе и считаем, что этим вопросом должно непосредственно заняться воспитание. Это совершенно верно. Однако, необходимо правильно рассмотреть данный вопрос. Будет иллюзией считать, что мир можно улучшить путем преподавания определенных принципов. (Это напоминает нам тех, кто верили, что мир можно будет установить путем изучения всеми людьми одного языка. Нет недостатка, однако, в обратных примерах!).

Речь идет не о преподавании абстрактных понятий. В основе действительного социального и нравственного воспитания лежат упражнения, опыт, переживание. На самом деле, можно наблюдать течение, старающееся восполнить пробел, приносящий столько вреда всему обществу. Интуитивно было почувствовано, что молодым людям необходимо обеспечивать занятия вне семьи и школы. Такие попытки, однако, обычно не координируются и не имеют под собой научной основы. Они не являются частью организованного и упорядоченного воспитания. Тем не менее, они представляют мнение, ставшее неизбежным и характеризующее в настоящий момент новую ступень развития общества.

Здесь нам хотелось бы назвать две формы этого течения: спорт и молодежные и детские движения. Две эти возможности расширить жизнь молодежи стимулируют не только улучшенное физическое развитие, но, кроме того, и развитие личности и повышение

нравственного уровня. Они позволяют молодежи выйти за рамки семьи и школы, вступить в более широкое окружение, в котором проведена специальная подготовка для ее приема. Чрезвычайно большое развитие и распространение этих движений по всему миру сами по себе уже демонстрируют необходимость поиска новых путей, позволяющих молодежи использовать и развивать свои силы в результате вывода ее за рамки существующего организованного и закрытого окружения в открытый мир.

Понятно, что мы говорим здесь о формировании, росте, которые достигают своей цели лишь на основе продолжительного опыта. Речь идет о развитии осознания ценности личности. Обычно ребенок ощущает свою собственную ценность, лишь когда к нему относятся с любовью и вниманием, что подтверждается многими психологами. Мы же устанавливаем другую, более широкую форму этого осознания: ребенок чувствует себя независимым, он уверен в своих действиях и знает, как он должен поступать в данных обстоятельствах.

В этом заключается основа, на которую должно опираться развитие личности. Все остальное: порядочность и другие нравственные ценности. Вырастают из этой «переоценки личности». Они осуществляются только тогда, когда могут опираться на социальный опыт.

Это относится к детям как младшего, так и старшего возраста. На более поздних стадиях изменяются только условия, природа и форма. Ребенок старшего возраста уже не удовлетворяется тем же способом самовыражения, что и младший ребенок.

Мы должны давать каждому возрасту прилагать наибольшие усилия и приобретать более широкий социальный опыт, которого ребенок может достичь, благодаря своей деятельности. В то время, как взрослые обычно склонны к поиску более легкой жизни, ребенок будет лишен внутреннего удовлетворения и шанса на нормальное развитие, если не будет удовлетворено его постоянное стремление к увеличению усилий. Ребенок должен чувствовать, что он может преодолевать препятствия и выполнять все более сложную работу. Взрослые слишком много думают о помощи и защите, которые они должны предоставлять ребенку, о немедленной защите, которая подавляет ребенка. Мы имеем в виду, конечно, не помощь и защиту, которые выражаются в организации общества на благо развития молодежи и которые как раз столь ей необходимы.

Молодежные и детские движения отвечают социальным потребностям детей старшего возраста, которые должны покинуть закрытое семейное и школьное окружение. Эти движения дают возможность выйти из данного окружения. Эти движения дают возможность выйти из данного окружения. Тем не менее, однажды я встретила ребенка лет восьми, одетого в новенькую униформу, однако имевшего не очень довольный вид. Я спросила его, почему он так грустен в своей новой униформе. Тогда он ответил, что она его не интересует, поскольку его мать все равно всегда сопровождает его, когда он выходит на улицу. Его же могло удовлетворить только сознание того, что он мог выходить самостоятельно и встречаться с другими детьми, которые он не знал и с которыми он мог бы по-новому применять свои силы.

Для того, чтобы расширить социальное поле зрения, необходимо научиться определенным вещам. «Ты хочешь гулять один? Хорошо, тогда ты должен усвоить некоторые правила. Ты хочешь покинуть родительский дом? Тогда ты должен научиться вести самостоятельную жизнь.». Ребенок с готовностью осознает, что он может самостоятельно идти по жизни, когда на свои плечи он берет все, что ему может понадобиться. Он также очень хочет получить возможность самостоятельно и безопасно передвигаться в окружении транспорта. Поэтому он с удовольствием подчиняется всем тем разнообразным правилам, которые способны обеспечить ему независимую жизнь. Дисциплина при этом становится средством осуществления социальной формы жизни. Удовлетворение, которое ребенок получает от участия в жизни общества на более высокой ступени, позволяет ему с радостью воспринять и соответствующую этой ступени

форму дисциплины. Так как не существует ни одной формы социальной организации без присущих ей порядка и дисциплины.

Тогда мы можем давать и нравственные и социальные предписания. Мы можем научить ребенка уважать других, помогать каждому, кто нуждается в помощи, мы должны его также научить, каким образом он лучше всего может оказать эту помощь. Еще не так давно мы убедились в том, какой интерес испытывают дети от 8 до 9 лет к некоторым фундаментальным приемам оказания первой помощи при несчастных случаях. С величайшей серьезностью и удивительной сноровкой они упражнялись в этом в свое свободное время, и были горды и счастливы, когда могли продемонстрировать свои умения, а в нескольких подходящих случаях даже по настоящему применить их. Ребенок, таким образом, приобретает чувство самостоятельной ценности, чести и сознание определенных нравственных принципов, которые соответствуют его возрасту и которые он может переживать. Опыт в этом случае учит нас, что и в этой сфере ребенок желает гораздо большего, чем ему обычно дают.

Почему эта деятельность должна ограничиваться нравственными правилами жизни и обычаями ограниченной организации? Почему мы не можем воспользоваться этим желанием ребенка, чтобы также обогатить его знания и стремления души связями с окружающей его жизнью? Надо позволить ему выйти в мир и приобрести живые контакты с природой и ее Создателем, так же и посредством этой простой жизни! Надо дать ему соприкоснуться со всеми кругами общества с тем, чтобы узнать и научиться ценить все формы жизни! Таким образом, благодаря опыту, сможет также развиваться и заложенное в каждой натуре чувство справедливости.

Нельзя оторвать духовную жизнь от ее практической основы. Нужно быть в состоянии освободиться от слишком тесных уз, ограничивающих наши чувства только людьми из непосредственного нашего окружения. Чтобы достичь высот духовной жизни, нужно отказаться от удобной и ленивой жизни. Человеку, без сомнения, необходимо укрепить внутренние силы, понять, как он должен вести себя по отношению к окружающим, и осознать, как живут другие люди. Человеку также никогда нельзя прекращать направлять свои мысли все выше: это позволяет расти его душе. Благочестивая жизнь требует самосозерцания и объединения с другими. Они формируют единое целое и могут быть также введены в рамки этой социальной и нравственной подготовки.

Таким образом, мы повторяем, что эти принципы нельзя передать путем их преподавания, но что они должны превратиться в собственное достояние посредством длительного и глубокого переживания.

По мере взросления детей, их жизнь становится сложнее. Почему же общество в ответ на их запросы предоставляет им единственную возможность спортивных занятий? Почему мы прилагаем все усилия, чтобы победить в игре, и эта победа повышает чувство собственного достоинства? Почему мы не стремимся к психическому укреплению личности? Почему мы не видим «нравственного спорта» в социальном опыте? Да, почему мы знаем только чемпионаты физически сильных людей, а не нравственно сильных личностей?

Для нынешних молодых людей спорт и примитивные занятия молодежных организаций (которые в их современной форме могли бы удовлетворять гораздо ранее пробуждающиеся потребности) являются далеко не достаточными. Роль вожака молодежи также не ставит перед ним достаточно высоких требований. Знаки отличия также не приносят ему удовлетворения, которое могло бы повлиять на его социальное и нравственное формирование. Он не только одолжен изучать обстановку, он должен научиться владеть ею. Только новые товарищи не могут удовлетворить его интерес к социальным отношениям. Он испытывает потребность в большей и более широкой организации, в абстрактных связях со всем обществом. Он осознает, что он является частью общины, имеющей свою судьбу, многих членов которой он никогда не увидит, они так многочисленны, что он никогда не сможет их сосчитать. Он должен теперь

сознательно вступить в жизнь как член большой общины своего народа.

В свое время пробуждается также и политическое сознание. Молодые люди формируют мнение о событиях общественной жизни. Они испытывают также сильное желание иметь личную собственность и приобрести собственные средства существования, которые сделают их независимыми от родителей, которые до сих пор их содержали. Социальная организация дает человеку возможности, осуществление которых зависит от его средств. Молодой человек также хорошо понимает это. Он стремится освободиться от этой абстрактной формы зависимости. Связи, стесняющие его, не имеют уже преимущественно материальный характер. В то время как изменения его организма пробуждают в нем мечты о семье, которая еще не существует, его созревающая душа влечет его к сообществу, которое не имеет видимых границ. Он может почувствовать удовлетворение, только благодаря действительной попытке социальной жизни, и только тогда его нравственное развитие сможет осуществиться в полную силу.

Когда данная глубокая потребность не удовлетворяется или, более того, недооценивается и подавляется, могут возникнуть вредные социальные и нравственные отклонения, которые будут оказывать постоянное влияние на отдельную личность и общество.

Необходимо уметь распознавать действительность и удовлетворять данную жизненную потребность. Молодые люди должны быть в состоянии подготовиться к вступлению в социальную жизнь посредством последовательного, организованного опыта в рамках научно обоснованного воспитательного процесса.

Эта необходимость научно обоснованной и имеющей скоординированные цели организации реальной социальной жизни молодежи на протяжении всех периодов ее развития еще не признана всеобщей и официально и не всегда осуществляется. Это шаг, который еще предстоит сделать воспитанию.

Дать свободу молодежи не означает разрешить ей делать все, что она захочет. Ничего нельзя сделать без подготовленного окружения!

Что означает: делать, что хочешь?

Только безделье и порок могут произойти от неправильно понятой свободы. Свобода, понимаемая таким образом, означает общую запущенность, которая скрывается под красиво звучащим, но прежде всего, ироническим словом.

Деятельность всегда означает направленность. Это занятие, исходящее от наделенной желанием личности и направленное на окружение. Когда мы даем молодежи свободу действий, мы должны поэтому, в первую очередь, подготовить окружение, где возможен свободный опыт. Спорта и разведывательных походов недостаточно, чтобы удовлетворить потребности человека, который готовится к реальной социальной жизни современного общества.

Этот вопрос уходит еще глубже и затрагивает важнейшую социальную проблему нашего времени. Общество не может более оставлять задачу, от которой в значительной степени зависит сохранение нашей цивилизации, на волю не ограничиваемой и подчас некачественной инициативы частных лиц.

Необходимо готовить окружение, где может быть развит все более широкий социальный опыт, приобретаемый под умелым руководством и обеспечивающий рост силы характера и нравственности, иными словами, расцвет индивидуальных качеств людей будущего!

В основе жизни. (Впитывающий ум)

Мария Монтессори

Ошибки и проверка ошибок.

Если мы говорим, что дети свободны в наших школах, то под этим подразумевается необходимая организация, организация, предполагающая большее руководство, чем в других школах, и функционирующая таким образом, что дети совершенно свободны для работы. Накапливая опыт в условиях подготовленного окружения, ребенок работает над собой, но для этого ему необходимы некоторое количество материала и определенное пространство. Если ребенку удалось сосредоточиться, он переносит эту сосредоточенность на различные занятия, и чем больше развивается его занятость, тем менее активную роль начинает выполнять наставница, пока, наконец, эта роль не сократится практически до минимума.

Мы снова указываем на то, что благодаря свободно повторяемым упражнениям, дети объединяются в специальное сообщество, и это сообщество настолько цивилизованнее нашего, что способно вызвать у нас подкрепленное соответствующим убеждением желание предоставить детям совершенную свободу и не вмешиваться в их занятия. Это жизненное явление такое же чувствительное, как эмбриональное развитие, и поэтому в него никоим образом не нужно вмешиваться. Если данные условия выполнены, то каждая часть материала может послужить основой для этого явления. В такой обстановке между наставницей и ребенком существует определенная связь. Задача наставницы будет описана в другом месте, там же будут проанализированы все составные части этой задачи, но то, чего она в любом случае не должна делать – это вмешиваться в работу ребенка с материалом, хвалить, наказывать или исправлять ошибки. Многие воспитатели считают это ошибочным принципом, и если они не одобряют нашу методику, то именно по этой причине. Они говорят: «Как мы можем следить за тем, чтобы ребенок продвигался вперед, если мы не исправляем ошибки в его работе?». Обычно, одной из фундаментальных задач образования является исправление ошибок, как в нравственной, так и в интеллектуальной сфере. В противном случае учительница плохо соответствует занимаемой должности. Воспитание стоит на двух ногах: поощрении и наказании, но тот, кто применяет их по отношению к ребенку, исходит из того, что самому ребенку не хватает энергии для руководства собой, так что учительница постоянно должна находиться рядом, чтобы указывать ему дорогу. В наших школах поощрение и наказание исчезли автоматически, поскольку в них не осталось необходимости. Так как данные стимулы поступают извне, они пропадают, когда спонтанная внутренняя потребность завоевывает свое место. Оказывается, это очень трудно понять, ведь сколько раз меня приглашали на такой день раздачи наград в «монтессорской» школе! Дети, которые свободны, кроме прочего, равнодушны к призам.

Отмена наград в то время не вызвала бы больших затруднений, в конце концов, это привело бы к экономии средств. Награды выдаются не так часто, обычно, лишь в конце года. Но наказания! Это было нечто совсем иное. Они имеют место каждый день, а «выговоры» и еще чаще. Даже обычные «отметки» в тетрадях, что стоит за ними? Учительница выставляет знак А., Б. Или В. или 10 или 0. Как за отметкой 0 может подразумеваться исправление? Тогда учительница говорит: «Ты не слушаешь, когда я объясняю: ты никогда не сдашь экзамен.»

Все эти исправления и отметки в тетрадях и обвинения учителя ведут к спаду энергии и заинтересованности. Такие высказывания, как «Ты плохой ученик» или «Ты тупица», оскорбительны, унижительны, неприятны, и они иногда не могут способствовать исправлению, потому что для того, чтобы исправиться, человеку нужно стать лучше, но

как может ребенок, который уже находится ниже уровня и которого мы к тому же еще больше унижаем, найти для этого силы? В старые времена детей заставляли носить ослиные уши или били их линейкой по пальцам, и все же, даже если бы все пальцы были разбиты линейкой, за этим никогда не последовало бы улучшение.

Лишь опыт и упражнения могут способствовать исправлению ошибок, и приобретение навыков требует длительного упражнения. Ребенок, которому не достает дисциплины, становится дисциплинированным в процессе работы и благодаря объединению с другими во взаимосвязанное сообщество, а не благодаря тому, что мы ему укажем ему на его недисциплинированность. Если мы говорим ребенку, что он чего-то не может, он в состоянии нам возразить: «Зачем Вы это говорите? Я знаю, что я этого не могу.». В простом подтверждении фактов не содержится помощи в исправлении. Исправление и улучшение приходят, когда ребенок получает возможность достаточно длительное время свободно упражняться. Возможно, он не всегда в состоянии увидеть свои ошибки, но ведь и учителя могут делать ошибки, не отдавая себе в этом отчета. К несчастью, учительница всегда исходит из того, что ее точка зрения правильная, как точка зрения совершенного существа, служащего примером, если же она допустит ошибку, она не сообщит об этом ребенку. Ее достоинство опирается на непоколебимую правоту. В обычной школе ее безупречность не должна подвергаться сомнению, поэтому весь воспитательный процесс опирается на неправильный базис.

Давайте рассмотрим ошибку. Необходимо признать, что все мы совершаем ошибки, такова жизненная действительность, и поэтому такое признание является большим шагом вперед. Если мы хотим выйти на дорогу правды и реальности, мы должны согласиться, что ошибки свойственны каждому, ведь мы же не хотим претендовать на свое полное совершенство? Поэтому мы делаем все возможное, чтобы «подружиться» с ошибкой, и тогда она уже не будет нас пугать. Она превратится в друга, который живет среди нас и который выполняет свою задачу, ибо у него есть определенная задача. Многие ошибки исправляются в жизни спонтанно. Годовалый ребенок, который начинает ходить, часто спотыкается, падает, но, в конце концов, приобретает способность твердо держаться на ногах. Он исправляет свои ошибки, благодаря росту и опыту. Мы, питающие иллюзию движения по жизненной дороге в направлении совершенства, постоянно совершаем по пути ошибки, которые не исправляем. Мы и не признаем эти ошибки и, таким образом, пребываем в мире иллюзий, лишенном всякой реальности. Учительница, которая, выступая в роли совершенства, не признает свои ошибки, никогда не будет хорошей учительницей. Куда бы мы не посмотрели, везде мы встречаем Господина Ошибку. Если мы движемся по пути к совершенству, мы хорошо должны осознавать возможность заблуждений, ибо совершенства мы можем достичь, лишь научившись избегать заблуждений. Нам понадобится свет для того, чтобы увидеть ошибку. Мы должны принять мысль о том, что там, где есть жизнь, есть и ошибка – такова действительность. Точные науки (математика, физика, химия и т.п.) привлекли наше внимание к ошибкам, так как эти науки умышленно подвергают их рассмотрению. Научное изучение ошибки началось в рамках положительных наук, о которых, возможно, принято полагать, что они не допускают ошибок, так как все в них подвергается точному измерению, и поэтому ошибка может быть четко определена. Здесь, таким образом, можно выделить два аспекта: 1 - достижение некоторой точности, 2 – тщательная оценка ошибки.

Все, что прелгается наукой, не преподносится как нечто абсолютное, здесь, помимо результата, принимается во внимание и возможная ошибка. Например, противинфекционная прививка дает в 95 % случаев уверенность, однако, 5 % возможной неудачи имеют также важное значение. При измерениях также устанавливается точность до определенной тысячной сантиметра. В этих науках данные предоставляются или принимаются к сведению только с учетом возможной ошибки, поправка на ошибку определяет ценность данных. Без этого результат не может быть воспринят серьезно, поправка также важна, как и сам результат. Если это свойственно точным наукам, тем

более это утверждение должно относиться и к нашей работе. Ошибка тогда превратится в нечто чрезвычайно интересное, и знание ее станет необходимым для любого вида руководства. Здесь мы подходим к научному принципу, который является также основой истинности: мы имеем в виду проверку ошибок. В рамках того, что делается в школе руководством, детьми или другими лицами, всегда должны присутствовать и ошибки, и это должно таким образом укладываться в школьную жизнь, чтобы исправление не происходило извне, но было бы индивидуальным, независимым контролем ошибки, свидетельствующим о правильности или неправильности наших действий. Я считаю необходимым знать, хорошо ли сделана моя работа или нет, поэтому ошибка начинает интересоваться меня, тогда как раньше она была делом второстепенным. В обычной школе не я сам, а учитель обращает мое внимание на ошибки. Как далеко это от ощущения свободы. Если я сам не могу проверить мои ошибки, я должен обратиться к тому, кто, возможно, лучше знает, чем я. В противоположность этому: насколько мы вырастаем в своих глазах, если мы делаем ошибки, но бываем в состоянии проверить их самостоятельно!

Осознание возможности совершать ошибки и способности их проверять, признание и проверка ошибки без посторонней помощи относятся к реальному осуществлению духовной свободы. Одной из причин формирования нерешительного характера является неспособность проверять свои ошибки без посторонней помощи. Это свидетельствует о чувстве неполноценности, безнадежности, неуверенности в себе, если мы постоянно бываем вынуждены обращаться к другим за оценкой правильности нашей работы. Проверка ошибок поэтому становится нашим путеводителем, показывающим, правильным ли мы движемся путем или нет. Нам свойственно стремление к совершенству, поэтому мы должны знать, верную ли мы выбрали дорогу!

Представим себе, что мне нужно попасть в определенное место. Я могу поехать на машине, но я не знаю дороги, так очень часто бывает. Чтобы быть уверенной в том, что я правильно еду, я пользуюсь картой и смотрю на дорожные указатели. На моем пути мне встретился указатель «3,5 км до Ахмедабаба», но если я внезапно подъеду к указателю «80 км до Бомбея», я пойму, что где-то я совершила ошибку. Карта и указатели помогают моему движению, если бы их не было, мне пришлось бы спрашивать дорогу, и тогда я получила бы многочисленные, возможно, противоречивые указания. Без путеводителя и без проверки нельзя двигаться вперед.

То, что необходимо как в позитивной науке, так и в практической жизни, должно с самого начала занять свое место и в воспитании. Речь идет о возможности проверить ошибку. Вместе с обучением и материалом большое значение имеет и проверка ошибок. Если дорога свободы и прогресса должна быть надежной и правильной дорогой, то мы должны располагать средствами, позволяющими нам узнавать сделанные нами ошибки. Применение этого принципа в школе или дома обходит стороной вопрос о степени совершенства учительницы или матери. Ошибки старших становятся чем-то интересным, поэтому ребенок начинает испытывать к старшим большую симпатию. Ошибки чрезвычайно интересуют ребенка, но рассматриваются совершенно независимо от личности как нечто, свойственное природе. И сколько тепла пробуждает в сердце ребенка осознание того, что все мы совершаем ошибки. Это также оказывает влияние на отношения между матерью и ребенком.

Признание нашей общей способности к ошибкам превращает нас в больших друзей. Братство приходит к нам на пути заблуждений, не на пути совершенства. Тот, кто достиг совершенства, не способен к изменению, два «совершенных» человека в большинстве случаев ведут друг с другом борьбу, так как они не могут измениться и понять друг друга. Если кто-то вырос без ошибок, он не способен к прогрессу и не нуждается в ничьей помощи, ведь совершенству невозможно оказать помощь. Поэтому тот, кто считает себя совершенством, не опирается на действительность, он введен в заблуждение иллюзией, которая постоянно витает над ним, но которую он никогда не сможет уловить.

Давайте призовем на помощь геометрическое сравнение: мы можем наложить квадраты друг на друга, так как это делают дети в нашем упражнении с квадратами. Если мы будем продолжать попытку вставить один квадрат в другой, то постепенно разница между ними будет уменьшаться. Если мы будем рассматривать это как устранение «ошибки» между двумя квадратами, то увидим, что как бы она не уменьшилась, ее никогда не удастся полностью исключить.

Другой пример мы можем почерпнуть в одном из первых упражнений детей: набор цилиндров равной высоты, но разного диаметра, из которых каждый вставляется в соответствующее углубление футляра. Осознание их различий является первым шагом усовершенствования, умение держать их тремя пальцами – вторым. Ребенок начинает вставлять цилиндры в углубления, но в конце он замечает, что остался один толстый, который не вставляется в узкое углубление, а некоторые другие неплотно прилегают к стенкам и шатаются, поэтому он должен был где-то ошибиться. Тогда ребенок рассматривает их еще раз, уже с большим вниманием. Если один цилиндр не подходит, значит он сделал ошибку, а ребенок знает, что он может делать ошибки. Если бы такой возможности делать ошибки не существовало, интерес не был бы таким большим. Именно благодаря такой возможности, ребенок может снова повторить упражнение. Материал, таким образом, должен удовлетворять двум требованиям: 1 – совершенствовать различительную способность органов чувств, 2 – содержать в себе проверку ошибок. Названный материал содержит в себе вещественную и хорошо видимую проверку ошибок, двухлетний ребенок уже может поэтому им пользоваться и осваивать способность самоконтроля с целью исправления возможных ошибок на пути совершенствования. Благодаря ежедневному опыту таких упражнений, ребенок приобретает способность проверять ошибки в качестве внутренней силы, помогающей стать ему уверенней в себе. Уверенность в себе не свидетельствует о совершенстве, она означает знание собственных возможностей и ощущение своих способностей. Ребенок будет в состоянии сказать: «Я не совершенен, я не всемогущ, но я знаю свои силы и я могу делать это, я также знаю, что могу делать ошибки и проверять их, поэтому я уверен в своем пути». Здесь чувствуется способность к саморуководству, уверенность, опыт. Приобрести такую уверенность не так просто, как представляется, быть на пути к совершенству – тоже дело не малое. Называть кого-либо глупым, тупым, сильным, хорошим или плохим значит – разрушать человечество. Человек должен быть уверенным в самом себе, и поэтому необходимо предоставить ему средства для развития такой уверенности, неотъемлемой частью чего является возможность самостоятельной проверки ошибок.

Давайте посмотрим на ребенка, немного более старшего возраста, обучаемого таким же способом. Он делает упражнения на счет, например, на умножение. Получаемый им результат проверяется с помощью таблицы умножения, которая служит для проверки ошибок. Она необходима для того, чтобы убедиться в правильности ответа, таким образом, вместо того, чтобы исправлял учитель, мы заботимся о том, чтобы ребенок приобрел привычку самоконтроля. Эта проверка ошибок еще увлекательней, чем само упражнение. То же самое происходит при чтении. Ребенку дается набор карточек с одним словом на каждой. Упражнение заключается в том, чтобы расположить карточки рядом с картинками, к которым они относятся. Помимо этого, имеется набор карточек с картинками, под которыми написаны названия, так чтобы ребенок смог проверить свою работу. Ему очень интересно узнать, хорошо ли он расположил карточки. Если нам удастся создать в условиях школьной практики возможность постоянной проверки ошибок, это может стать настоящим стимулом для самоусовершенствования. Ощущение вовлеченности в процесс усовершенствования, способность различать правильное и неправильное вызывают у ребенка настолько серьезный интерес, что его прогресс можно считать гарантированным. По природе ребенок склонен к точности, контроль, проверка вполне соответствуют этой склонности. В одной из наших школ ребенок должен был

прочитать предложение, которое звучало так: «Выйди из класса, закрой дверь и вернись назад». Ребенок изучил карточку и начал выполнять задание, потом он подошел к учителю и сказал: «Почему Вы написали это? Это невозможно. Как я могу вернуться назад, если дверь закрыта». Поэтому учитель ответил: «Да, это моя ошибка,» – и он исправил задание, после чего ребенок с улыбкой заметил: «Ну вот теперь я могу это сделать».

Братские отношения возникают на основе этой заинтересованности в проверке ошибок. Заблуждение разъединяет людей, но проверка заблуждения есть средство достижения братства. Так возникает общий интерес к исправлению ошибок, независимо от того, где они были найдены. Сама ошибка приобретает важное значение. Она становится соединительным звеном, средством объединения всех существ, но в особенности – средством сближения ребенка и взрослого. Выявление маленькой ошибки, допущенной взрослым, совсем не умаляет его авторитета и не ведет к неуважительному к нему отношению. Ошибка, независимо от личности, приобретает самостоятельное значение как нечто, что необходимо постоянно контролировать.

Так очень простые шаги ведут к важным результатам.

Любовь учителей

Мария Монтессори

Ребенок чувствителен ко всему, что он воспринимает от взрослых. Он хочет подчиняться взрослому во всех отношениях. Мы даже не представляем, насколько он готов к повиновению. Вот пример. Ребенок положил свои туфли на кровать. Мать сказала ему: Не делай так! Комнатные туфли грязные, - и она убрала покрывало.

После этого всякий раз, когда ребенок видел комнатные туфли, он восклицал: «Это грязно!» и шел к кровати, чтобы убрать их. Чего еще можно желать? Ребенок восприимчив и чувствителен в такой степени, что взрослому следует хорошенько контролировать свои слова и действия, потому что буквально все запечатлется в сознании ребенка. Он весь – послушание, потому что послушание есть его образ жизни. Он любит и благочтит взрослого, из уст которого выходит мудрость, которая помогает ему жить.

Дети любят взрослых; и это то, что мы должны знать о них. Тем не менее мы постоянно говорим о том, как родители и учителя сильно любят детей. Некоторые даже объясняют, как надо научить детей любить своих матерей, отцов, учителей – всех взрослых. Кто же эти инструктора? Чаще всего те, кто оценивают всю детскую деятельность как дурное поведение и карают за ошибочный поступок. Взрослый не может стать учителем любви без специальных усилий, без раскрытия своего сознания на это видение мира, более громадного, чем его собственный.

Да, дети глубоко любят взрослых. Когда ребенок идет спать, он хочет делать это в присутствии взрослых, тех, кого он любит. Но взрослый при этом думает: «Эти глупости надо прекратить! Мы испортим ребенка, если будем стоять у его кровати.» Или: «Нельзя, чтобы ребенок подходил к взрослому столу. Лучше мы сделаем вид, что не собираемся есть». Но ребенок только хочет присутствовать, когда любимые им люди едят. Он перестанет плакать, когда его подведут к столу. А если он будет плакать и за столом, то это от того, что никто не обращает на него внимание. Он хочет быть частью коллектива. Кто еще выплакивает пылкое желание быть с нами, пока мы едим? И с какой грустью мы произнесем в один прекрасный день: «Никто сейчас не плачет из-за того, что меня нет рядом с тем, кто засыпает, никто не думает обо мне...». Только ребенок помнит и говорит каждую ночь: «Не покидай меня, побудь со мной». Иногда ребенок просыпается утром и идет будить своих родителей, которым хотелось бы еще поспать. Взрослые выражают недовольство по этому поводу. Но ребенок – это целомудренное создание – ведет себя именно так, как и следовало бы вести. Когда солнце всходит, всем следует вставать. Ребенок идет к родителям, как будто говоря: «Учитесь жить разумно. Вставайте! Утро пробуждает вас». Но ребенок не учитель. Он только любит своих родителей: «Я не бужу тебя мама, я только поцеловал». Часто ли кто-то в жизни идет к нам, чтобы просто увидеть и поцеловать? А мы осуждаем ребенка. Мы считаем его поступок дурным поведением, которое должно быть исправлено.

Ребенок любит пробуждение не только по утрам. Ему нравится бодрое состояние отца и матери, которые, увы, часто остаются спящими всю жизнь. Мы все имеем тенденцию спать. Ребенок, это новое создание, пришедшее в жизнь, только и держит нас в состоянии бодрствования. Он появляется каждое утро, как бы говоря: «Посмотрите, это другая жизнь. Вы можете жить лучше, чем вы живете».

Мы всегда можем жить лучше, потому что у человека есть стремление к лени. Ребенок – как раз тот, кто поможет взрослому встать. И если взрослый не делает этой попытки, ребенок теряется, понемногу ожесточается и, наконец, становится равнодушным.

Новое воспитание

Идея о том, что воспитание должно начинаться с рождения, была и есть тема постоянных дискуссий. Она возникает как абсолютно теоретическая и на практике не выполнимая. По крайней мере, дискуссии не касались реального обсуждения здоровых потребностей ребенка. Есть, например, врачи, которые обсуждают планы развития детей с первого года жизни в специальных школах. Они, например, испытывают их руки и ноги, чтобы подготовить для последующих движений. Конечно, они ошибаются, потому что у новорожденного есть все необходимое, чтобы активно действовать. Такие попытки воспитания младенца наносят ему только вред. Я могу опровергнуть такой подход к воспитанию и провозглашаю, что представлять воспитание новорожденного ребенка подобным образом – ошибочно, потому что взрослый, который упражняет конечности ребенка, навязывает ему свой собственный способ действий, закрепляя тем самым всеобщую ошибку. Взрослому никогда не следует формировать ребенка по своему собственному подобию. Ребенка надо оставить в покое и действовать, лишь исходя из его глубинного понимания. Физические движения приходят изнутри ребенка, они организованы его внутренней жизнью. Этот механизм был описан как воплощение. Мышцы не развиваются правильно, пока не разовьется воля. Мы можем ничего не делать, а только ждать эту внутреннюю жизнь, организующую себя. Однако мы должны поощрять в себе постижение процесса развития. Мы нуждаемся в прямом общении с ребенком, особенно при помощи языка. Тогда появится уверенность, что есть что-то такое, что требует внимательного наблюдения.

Вообще мы склонны рассматривать ребенка как зеленую траву или как существо, причиняющее нам беспокойство, требующее ухода и заботы, да еще постоянно ревушее. Из года в год ему уготован только уход при полном игнорировании его духовного развития. Правы религии, которые утверждают, что человеческая сущность присутствует уже в младенце. Христиане крестят ребенка, веруя, что он уже владеет душой, признавая его духовную жизнь. Однако они не занимаются скрытой в человеке личностью в наиболее важный для него период развития и это опасно.

В этом смысле именно то, что препятствует развитию ребенка в наиболее восприимчивые периоды его жизни, может повлиять на созидание его индивидуальности. Нам необходимо понимать, что это есть проблема из проблем не только в воспитании, но и в истории человечества.

Новорожденный ребенок

Мы рассматриваем цивилизацию как средство, с помощью которого человек постепенно приспособляется к окружающей его обстановке. Если это так, то кто, если не новорожденный ребенок, испытывает больше неожиданных и кардинальных изменений? И какими мерами предосторожности наша цивилизация содействует новорожденному ребенку, который буквально переходит из одного состояния в другое?

Эту первую страницу человеческой жизни еще предстоит написать, потому что никто не пытался узнать, раскрыть требования новой жизни. Ужасная истина: ошибки раннего детства мы несем с собой через всю жизнь. Невероятно, но рождение – этот наиболее трудный момент во всей человеческой жизни – никогда не был признан как кризис не только матери, но и ребенка!

Кризис ребенка заложен в его полном отделении от матери, которая к тому времени уже все для него сделала. В этот момент ребенок предоставлен только своим собственным силам и может рассчитывать только на свои собственные жизненные функции. До этого он спокойно рос в теплой жидкости, специально для него созданной и защищающей от дисбаланса температур, от малейшего мерцания или незначительного звука. При родах его выбрасывают из этого «дома», выталкивают из совершенного покоя в изнурительный

для родившегося создания мир. Его тело раздавлено почти так, как если бы он прошел между двумя жерновами. Он приходит к нам изнуренным, как странник, который возвратился из дальних стран.

Но что мы делаем, чтобы принять его и помочь ему? Все внимание обращено к матери и доктор производит лишь беглый осмотр ребенка, единственно чтобы установить, жив он или мертв, здоров ли. Родители рассматривают его с глубокой радостью, их эго удовлетворено – ребенок прекрасен, он воплощает их тщетную надежду продолжения рода, любви, объединения семьи.

Но пока мать свободно отдыхает в затемненной комнате, кто думает о том, чтобы и ребенку, который не менее устал, дать отдых в темноте, чтобы он мог потихоньку адаптироваться к новой окружающей среде. Никто не видит в ребенке существо, которое страдает, никто не учитывает восприимчивости маленького тела, которого прежде никогда не держали в руках, его реакций на многочисленные физические впечатления и на каждое незнакомое касание.

Если мы понаблюдаем за животными, то увидим, что самка поднимает своих детенышей, предохраняет их от света на протяжении определенного промежутка времени и защищает их теплом своего тела. Она ревностно охраняет их и никогда не позволяет другим животным приближаться, смотреть на малышей, а детенышам двигаться. Но ни природа, ни цивилизация не предусматривает, как все-таки облегчить сложность адаптации новорожденному человеческому существу. Многие считают, что если ребенок выживет, то этого уже достаточно. Новорожденному ребенку следовало бы позволить оставаться в эмбриональной позе после рождения, но его немедленно одевают, пеленают. Его конечности, такие хрупкие и слабые, уже натянуты с силой.

Мы провозглашаем, что здоровый ребенок может сопротивляться и адаптироваться в природе, как и все живое. Но делаем все наоборот: укрываемся теплым одеялом, пытаемся сохранить тепло зимой, сидим в мягких комфортабельных креслах. Почему мы не живем свободно в лесах, если мы такие сильные?

Смерть, как и рождение – закон природы, которому мы все должны подчиняться. Почему же мы в каждом возможном случае стремимся облегчить ужасный момент смерти?

Однако мы никогда не думаем, как облегчить страдания в момент рождения. Это похоже на какую-то слепоту и глухоту в нашей душе. Что-то подобное темному пятну в глубине глаза – такое же темное пятно есть и в глубине жизни.

Мы должны прийти к полному пониманию состояния жизни новорожденного ребенка, только тогда станет очевидной необходимость его естественного вхождения в жизнь.

Новорожденный ребенок должен стать объектом умной заботы. Держать его надо с предельной мягкостью, его не следует двигать и трясти, прикасаться к нему с величайшей нежностью. В первый момент или даже в первый месяц жизни ему необходим полный покой. Младенца надо оставить голеньким, согретым только воздухом в комнате. Не одевать его и не завертывать в одеяло. Он имеет небольшой жар тела, благодаря которому противостоит температурным изменениям. Одежда является незначительной помощью.

Не могу настаивать на этих аргументах, потому что каждая женщина скажет мне, что я игнорирую традиционные способы ухода за ребенком в разных странах. В этом случае я отвечаю просто: «Мне известны эти различные методы, потому что я изучила их в разных странах и с глубочайшим интересом провела научные наблюдения. И я определила, что в этих методах немало недостатков. Повторяю: «Всем нам не хватает осознанной необходимости принимать новорожденного ребенка должны образом.»

Неведение, непонимание, того, что есть ребенок – следствие наших подсознательных представлений и раздражения по отношению к нему, инстинктивной защиты своих позиций. Нами овладевает страх, что ребенок разрушит обычный порядок нашей жизни, испортит или испачкает наш дом. Когда же он все же появляется в нашей жизни, мы начинаем общаться с ним, заботясь прежде всего о собственном благополучии и подавляем так называемые капризы ребенка. Он же становится рабом этих капризов, а для

нас – благовоспитанным дитя.

Очень часто, не понимая сущность ребенка, мы определяем его поведение капризным, но оно таковым вовсе не является. Например, в 1-2 года у ребенка есть положительная потребность видеть предметы всегда на своих местах и привычно используемыми. Если кто-то нарушает этот знакомый порядок, ребенка это глубоко оскорбляет, он защищается тем, что кладет предметы назад, в установленное для них место. А мы расцениваем это как каприз.

В моих школах даже самые маленькие дети проявляют потребность положить предметы туда, где они лежали. Например, один ребенок стоял и рассматривал песок, который был разбросан на полу. Его мать увидела песок и убрала его. К ее изумлению малыш расплакался, собрал песок и вернул его на прежнее место.

Мать другого ребенка почувствовала, что день теплый, сняла свое пальто и набросила его на руку. Ребенок начал плакать, и никто не мог понять, почему он не успокаивался до тех пор, пока она не надела пальто вновь. Ребенок видел предмет в незнакомом положении и это расстроило его.

Взрослый в таких случаях предполагает, что, наказывая ребенка, он исправляет его недостатки. Но ясно, что бесполезно корректировать дефекты, которых у ребенка не будет, когда он станет взрослым. Где вы видели взрослых, которые плачут, когда женщины переключаются с руки на руку свое пальто?! Мы не можем объяснить себе действия детей и рассматриваем их как формы недостойного поведения. Нам следовало бы понять, по крайней мере, что такие «дефекты» наконец исчезнут, и они не стоят того, чтобы о них беспокоиться. Если мы согласимся с таким подходом к ребенку, мы многое поймем в нем и будем любить его таким, как он есть.

Еще один пример. Я знала двухлетнего ребенка, которого няня мыла всегда в одной и той же ванне, одним и тем же способом. Однажды она уехала и другая няня заменила ее. Ребенок плакал все время, когда новая няня мыла его. «Почему ты плачешь? Разве она не прекрасная леди?» – спросили малыша. Ребенок ответил: «Но она моет меня наоборот». Одна начинала с головы, другая – с ног.

Руководящие указания и порядок занятий для детских домов и для детских садов.
Рим, 9 февраля 1914 года.

Из главы «Физическое воспитание».

- Воспитание материнское. Приучение к чистоте и порядку: практические навыки (чистота кожи, ногтей, рта и пр.). Ванны. Чистка платья и сапог. Причесывание. Помощь на кухне (чистка овощей и пр.). Накрывание и уборка стола. Уборка полотенец, губок, мыла. Снятие и надевание пальто, шапок и сапог, их уборка, застегивание, зашнуровывание. Подметание полов, смахивание пыли, уборка дидактического материала.
- Занятия на свежем воздухе. Возращивание растений. Посадка семян, цветов, фруктовых деревьев. Свободные игры и постройки из глины и песка.
- Гимнастика. Игры: упражнения пальцев (на рамках), легкий бег и прыжки. Игры в мяч, тележки. Лазанье и хождение по лесенке. Вербочка. Качели. Хоровод. Перебрасывание предметами. Гимнастика порядка: приходиться и уходить из комнаты спокойно, не опрокидывая стульев и не задевая столов. Вставать и садиться без шума, выходить из помещения не толкаясь и не крича. Воспитание умения здороваться и прощаться. Ни военной, ни сложной (ритмической) гимнастики не допускается!!!
- Упражнения органов чувств. Ощущения тепловые, тактильные мускульные, весовые, чувство направления (хождение по начерченной линии). Ощущения

вкусовые и обонятельные: цвета, памяти зрения, расстояния. Ощущения слуховые: шумы, звуки.

- Пение: подражательные упражнения отдельных гласных и слогов. Упражнения на различных тонах (ударные инструменты). Короткие законченные фразы, имитирующие простые мелодии. Короткие мелодии из звуков малой октавы, соединенные с медленными движениями. Упражнения голоса и слуха: мелодия, построенная на какой-нибудь диатонической гамме, всегда в унисон, сопровождается движениями, то медленными, то ускоренными. Пение в зале и на воздухе. Всего 5 – 10 минут. Пение должно служить для удовольствия и воспитания детей, а не для удовольствия воспитателя. И Боже упаси, не для публики!

Всегда следует выбирать мелодии тихие, медленные, доступные и легкие. Надо прислушиваться к тем мотивам, которые дети всего мира напевают про себя. Среди них можно кое-что выбрать и по ним можно судить о музыкальном вкусе и способностям детей. Надо только умело направить и развернуть этот естественный путь. Надо помнить, что все органы детей находятся в состоянии развития, а потому они очень нежны. Не нужно много песен: пусть повторяют 5 – 6 старых. Дети консервативны и любят возвращаться к старому. Инстинктивная потребность в ритмах и музыке заложена в ребенке с рождения.

Из главы «Воспитание моральное и общественное» и «Воспитание интеллектуальное и эстетическое»

Воспитание моральное и общественное складывается из воспитания инстинктов, привычек и чувствований и воли ребенка. Его можно выразить приблизительно в правилах:

- сдерживать но не притеснять;
- управлять, но не ограничивать до крайнего предела.

Очень трудно систематизировать нормы и правила этого воспитания. Каждому отдельному ребенку нужно подходить индивидуально, с любовью и верой. Стремление к подражанию общественным нормам, инстинкт выбора действий, сравнение вещей и явлений представляет собой основания так называемого морального воспитания. Оно так же как физическое и интеллектуальное зиждется на самовоспитании. Слова-приказания допустимы только в самых редких случаях. Их заменяют намек, взгляд, совет, ласка. Весь строй жизни в детском саду должен быть таков, чтобы ребенок чувствовал спокойствие, видел примеры добрых отношений. Необходимо будущего человека приучать быть господином над самим собой. Свобода это верно, но всякое явно выраженное действие, вредящее самому ребенку или его товарищам, должно быть подавляемо немедленно и кратко, без излишних разъяснений, так как пояснения затемняет его сознание. ВОЛЯ. Короткие упражнения (2 – 5 минут) в абсолютном молчании. По приглашению воспитательницы такие упражнения возбуждают в ребенке чувство собственного достоинства, учат управлять своими мускулами, удерживать свой язык, приучают к терпению. Эти упражнения являются прекрасной гимнастикой воли, успокаивающей всю нервную систему. Их можно варьировать по усмотрению воспитательницы, применяясь к обстоятельствам: они представляют собой не только гигиенический покой нервной системы, но и самый лучший стимул задерживающих волевых центров. Гимнастика воли, как и гимнастика мускул тем более приносит пользы, чем охотнее исходит от самого ребенка. В человеке моральная и социальная воля тем сильнее выражается, чем больше он хочет управлять собственными инстинктами и

чувствами.

ЧУВСТВОВАНИЯ. Результат работы ребенка есть его собственность. Ребенок может подарить и поделиться им с матерью, с воспитательницей, с товарищем. Все равно, что бы это ни было: классная работа, или выращенный в саду плод. Выставка работ не допускается.

Ребенка надо оберегать от грубых слов и поощрять в словах ласковых и нежных, не впадая, конечно, в смешную и неискреннюю слащавость. Все, что вызывает детскую симпатию к людям, поддерживать неуклонно.

В этом возрасте ребенок еще не способен воспринимать идею Родины, и не следует раньше времени развивать этого чувства.

Следует поддерживать симпатии к животным, растениям и уважения к вещам.

Не вводить ничего, внушающего страх: ни рассказов, ни намека на страх наказания...

Всем доверие, снисхождение, жалость.

Сообщение сведений. Ни одного слова, которое не пробуждает в ребенке ясного и отчетливого представления о предмете! Надо соизмерять свои слова с возрастом детей, выбирать самые простые и ясные формы выражения для объяснения явления или образа. Лучше ничего не сказать, чем забросать ребенка многими ненужными словами.

Гораздо важнее слов подобрать для детей материал для занятий при котором развилась бы активность ребенка, способность видеть, сравнивать, то есть дать средство к выработке умения наблюдать посылно его возрасту и развитию.

Предметные уроки. Они должны идти с дидактическим материалом и быть очень кратки и хорошо построены. Картинки и рисунки должны быть художественны, представлять одну или немного фигур, изображающих людей, животных, растения, домашние предметы.

Язык. Дети говорят, чтобы сказать то, что они думают. Их надо выслушивать, но не слишком поощрять в этих свободных разговорах. Работая, ребенок, если работа поглощает его внимание, молчит. И даже высказывает досаду, когда его отрывают вопросом, требуют ответа. Говорить с детьми надо немногословно, голосом ясным и тихим, не торопясь и не волнуясь, избегая диалекта. Надо обращать большое внимание на дефекты речи, прибегая тогда к специальным упражнениям в произношении звуков, слов и слогов. Гимнастике дыхания и пению.

Воображение и вкус ребенка Прежде всего надо, чтобы помещение, в котором ребенок проводит время, было красиво: с немногочисленными, но художественными картинами, живыми растениями и цветами. Другими средствами для этого служат:

- изучение цветов и простых форм дидактического материала,
- рисование – свободное и срисовывание простых и красивых форм, раскрашивание готовых контуров, знакомых предметов,
- легенды и сказки,
- пение,
- легкие и незаметные наталкивания детей на наблюдение предметов простых и прекрасных: цветок, бабочка, лист.

При воспитании маленького ребенка надо незаметно помогать ему совершать и творить красоту доступную детскому возрасту, изо дня в день, так, чтобы не истощать его духовных сил – легко и радостно. Несвоевременное развитие эстетического чувства в маленьком ребенке представляет собою большую часть уродства.